

contradiction. This principle, attested already in the sophistic practice (Plat. Prot. 339–347a), began to be used by Aristotle as a method of the school analysis of a literary text, but sometimes also in dialectical discourse (Poet. 1469b30). Aristotle himself gives an example of applying this method to Plato's dialogues within the precincts of the Academy (De caelo. 279b30). In its basis, this is a dialectical exercise consisting of an ἀπόρημα – like proposition derived from two contradictory statements in the texts and a λύσις – solution of the contradictions. H.-J. Krämer reconstructed this practice from Aristotle's school works.

In the second part of the article, analyzing the peculiarities in the making of some contradictions in Hippolytus' text (especially in the passages on metempsychosis and the problem of gods), the author discovers some traces of an intentional work with the text aiming at constructing an artificial aporia, and a deliberate misinterpretation of the context. A considerable amount of parallel evidence (Cicero, Plutarch, Arius Didymus, Eusebius and some others) supports the author's conclusion that the greatest part of contradictions of this sort are due to the sceptical methods of text analysis intending to bring arguments to ἐποχή (D.L. IX. 88; Sext. Emp. Ph. I. 146. 170). Basing herself on Cicero's and Plutarch's works, Arius Didymus' doxography and other texts of Middle Platonism, the author endeavours to demonstrate that it was the Sceptical Academy itself that initiated this approach to Plato. This also proves Krämer's idea about the continuity in school dialectics: this continuity being assumed, we can suppose that adjusting the habitual tripartite structure of dialectical exercise to currently predominant trends (such as «suspension of dogmatic judgement» was in the times of the Sceptical Academy), the school practice worked out the bipartite structure (thesis – antithesis), which is exactly the classical argument ἀπὸ τῆς διαφωλίας.

The assumption that this approach to Plato's texts was practiced within the Academic tradition itself helps us to understand, why the Platonists of the new dogmatic period were so eager to eradicate the idea of self-contradicting Plato (Eudorus of Alexandria, Plutarch): the first centuries after Antiochus of Ascalon witnessed a reaction against the agnosticism of the Sceptical Academy. Thus, the old methods of solving text contradictions began to be used again, so that the original tripartite structure of the exercise, which was current in the Old Academia, was restored.

The author shows numerous traces of the scheme in Middle-Platonic works. E.g., Middle-Platonic doxographies would think it necessary to put and solve some particularly well-known contradictions (Apuleius and Alcinoüs). Obviously, Hippolytus must have had before his eyes some texts of that very kind. The summary of Platonic contradictions in Hippolytus' work is neither a dogmatic opposition of the views, nor a polemical fiction. In its basis, this is the material of Plato's dialogues subjected to the methods of critical analysis, which were used by the Platonists of that time.

© 1999 г.

КОСТЮМ ПЛЕМЕН ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРНОГО АЛТАЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

*Посвящаю любимым горам и людям
«благословенного Алтая»*

Комплексы из «замерзших» курганов Алтая стали одним из крупных открытий мировой археологии. В свою очередь наиболее ярким элементом культуры в них, несомненно, являются костюм и его аксессуары, а также конский убор¹. Благодаря хорошей сохранности органических материалов в «вечной мерзлоте» даже случайно дошедшие до нас и фрагментированные предметы костюма из разграбленных курганов Пазырыка V–IV вв. до н.э.² производят сильное впечатление трудоемкостью

¹ Первоначальный вариант статьи написан летом 1993 г. для готовившегося в Петербурге сборника по пазырыкской культуре. После смерти его редактора Г.Н. Курочкина этот сборник не был издан.

Близким знакомством с пазырыкской коллекцией Эрмитажа в 1991–1992 гг. я обязан, прежде всего, В.Ю. Зуеву (ИИМК) и Л.Л. Барковой (Эрмитаж).

² Датировка элитных курганов пазырыкцев колеблется при разных подходах в пределах 200 лет. Американские исследователи предлагают омоложение этих комплексов, основываясь на радиоуглеродных датах (см., например: Hiebert F.T. Pazyryk Chronology and Early Horse Nomades Reconsidered // Bulletin

изготовления, богатством орнамента и яркостью цветовой гаммы. Видимо, на украшение одежды и других категорий изделий уходила значительная часть творческой энергии этого воинственного народа. К сожалению, от грабителей полностью уцелели лишь два (!) алтайских кургана знати (притом – низшего ранга) в Ак-Алахе, раскопанные в 1990 и 1993 гг. далеко к юго-западу от Пазырыка.

В некоторых монографиях по отдельным могильникам одежде посвящены специальные главы и разделы³. Однако обобщающий очерк костюма этих племен еще не написан, и использование важнейшего источника по этногенезу, культурным связям и социальной структуре пазырыкцев пока затруднено. Цель предлагаемой статьи – впервые провести комплексный анализ костюма одного из ираноязычных этносов древности (наиболее детально документированного!) для выяснения его этногенеза и уточнения культурного фона, на котором развивалась пазырыкская общность в VI–III вв. до н.э.

В предлагаемом очерке прежде всего дается *единое систематизированное описание костюма по отдельным элементам*, принятое в этнографии. В процессе такого описания решаются и другие задачи: 1. Рассмотрение пазырыкских материалов на широком фоне родственных ираноязычных народов⁴ для уточнения родства и взаимовлияний. 2. Отражение в костюме социальной стратификации, половозрастных отличий. 3. Выявление следов вероятного влияния на пазырыкцев костюма Ирана, Китая, хунну, а также неиранских сибирских соседей. 4. Выделение локальных особенностей костюма в разных районах пазырыкской культуры. 5. Сегодня многими исследователями подчеркивается определенная культурная преемственность от пазырыкцев к современным тюркоязычным южным алтайцам⁵. Ее следует проверить на костюмном материале.

of the Asia Institute. N.S. V. 6. Blomfield Hills (Mich.), 1992. P. 120–122) и на трактовке импортных вещей (см., например, серию статей: Source. Notes in the History of Art. V. 10/4. Summer 1991). Петербургские авторы, опираясь на корреляцию дендрохронологических и вновь установленных радиоуглеродных дат (*Марсадолов Л.С., Зайцева Г.И., Лебедева Л.М.* Корреляция дендрохронологических и радиоуглеродных определений для больших курганов Саяно-Алтая // *Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. Материалы заседаний «круглого стола»*. СПб., 1994. С. 141–156), настаивают на том, что, например, богатый иранским и китайским импортом курган 5 в Пазырыке датируется рубежом V–IV вв. до н.э. или первой половиной IV в. до н.э. Для нас результат дискуссии не имеет принципиального значения, так как за века костюм пазырыкцев претерпел лишь очень скромные изменения. Однако пока я склоняюсь к последней версии не только в силу ее более солидной аргументации. Дело в том, что в позднем пазырыкском аристократическом костюме, как я надеюсь показать ниже, проявилось влияние официального костюма Ахеменидов (невозможное после второй трети IV в. до н.э.). При любом подходе сегодня можно предположить, что весьма изысканная культура пазырыкской элиты исчезла в результате захвата этой территории державой Хунну на рубеже III–II вв. до н.э.

³ Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.–Л., 1953. С. 104–134; *он же*. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.–Л., 1960. С. 204–212; *Кубарев В.Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. С. 76–118; *он же*. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. С. 85–94, 106–132.

⁴ В последние годы в Республике Алтай заметна тенденция у ряда исследователей считать пазырыкцев (и шире – всех ранних кочевников Евразии) тюркоязычными. Однако аргументы этой версии пока не столько научного, сколько идеологического, политического и морального характера (так, сторонники концепции ираноязычности части ранних кочевников объявляются «проводниками имперской политики Кремля» и т.п.). Ни один авторитетный лингвист сегодня не разделяет это мнение.

⁵ Серьезные исследования или простые сводки материалов по этому вопросу пока отсутствуют. Между тем культурная преемственность в таком природном изоляте, как высокогорье Алтая, представляется мне вполне очевидной. Так, в погребальных обрядах южных алтайцев XIX в. немало аналогий зафиксированным в Пазырыке. Умерших в обоих случаях хоронили в подземном срубе под курганом с каменной наброской и с сопровождающими захоронениями одной или нескольких лошадей. Тело доставляли на волокуше. В могилу помещали каркас юрты, чтобы умерший построил себе дом (ср. *Тоцакова Е.М.* Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 129, 131 сл.). Консервация древнейших традиций связана также с шаманством Саяно-Алтайского нагорья. Здесь еще недавно хоронили шаманов по обряду скифской эпохи – в специфической скорченной позе и с каменной «подушкой» под головой (*Кекин-Лопсан М.Б.* Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Новосибирск, 1987. С. 88). Шаманы носили подобные описанным ниже пазырыкским кафтан с длинными фалдами и пояс с рядом раковин каури. Для гадания они использовали зеркала, оформленные в

Н.В. Полосьмак склонна даже допустить, что и в «царские» курганы пазырыкцев вообще не помещали массивных золотых вещей⁶. В таком случае совершенно неясно, для чего эти курганы подвергались весьма трудоемкому и рискованному ограблению вскоре после похорон. Золотые детали явно снимали и с имевших сакральное значение музыкальных инструментов⁷. Некоторые аксессуары (гривны, ручные и ножные (?) браслеты), несомненно, делались из собственно серебра и золота (не случайно соответствующие части трупов в Пазырыке были отрублены грабителями).

Обкладка различных вещей золотой фольгой (изредка – серебряной, медной или оловянной) распространена и в могилах рядовых лиц, что весьма необычно для иранских народов древности. Последнее могло объясняться обилием золотых приисков у соседней воинственных пазырыкцев, а в отдельные периоды также наличием конфликтов на путях торговли золотом⁸.

О том, как выглядели унесенные грабителями массивные золотые аксессуары костюма, мы можем судить благодаря синхронным находкам последних лет в могилах кочевой аристократии южных и юго-восточных соседей пазырыкцев в Турфане (Алагоу), Северном и Восточном Ордосе (Алушайтень, Сигоупань, Налиньгаоту), которые стилистически и сюжетно очень близки пазырыкским образцам⁹.

Бляшки из золотой фольги у пазырыкцев подчас расписывались красной краской, как и находки из кургана Шибэ¹⁰. Аналогичная традиция известна у саков Семиречья (головной убор из кургана Иссык).

Представление о костюме знатных пазырыкцев неполно не только из-за ограбления могил, но и потому, что нам достоверно известен, главным образом, комплект теплого сезона. Захоронения в курганах аристократии Алтая и соседней Тувы, видимо, чаще производились на рубеже лета и осени¹¹ или весной – летом¹².

Костюм пазырыкцев на фоне других иранских этносов древности специфичен прежде всего головными username с несколькими скульптурками животных на каждом, орнаментом (стилизованные петушки, фантастические рыбы, «змеиная чешуя», некоторые варианты растительных побегов и др.) и широким применением часто простеганных сухожильными нитями предметов.

традициях скифского времени (*Дьяконова В.П.* Тувинские шаманы и их социальная роль в обществе // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л., 1981. С. 149–150). У алтайцев гадания (*Алексеев Н.А.* Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 205) проводились с миннаторными луком и стрелами: нечто подобное документируется у индоиранцев (ср. у кафиров Гиндукуша). Другой способ алтайских гаданий – с помощью трех пальцев – известен скифским энереям (*Herod. IV. 67*). Третий – по трещинам на бараньей лопатке – еще бытует у таджиков и осетин. Число подобных примеров из разных сфер культуры можно без труда увеличить.

⁶ *Полосьмак Н.В.* «Стерегиущие золото грифы» (Ак-Алахинские курганы). Новосибирск, 1994. С. 97.

⁷ Ср. *Басилов В.Н.* «Скифская арфа»: древнейший смычковый инструмент? // СЭ. 1991. № 4. С. 142–144.

⁸ См., например: *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 358 сл.

⁹ Для торевтики предполагаемых луфаней Ордоса V–III вв. до н.э. (по С.С. Миняеву) очевидны и прямые соответствия иконографических схем с пазырыкскими. Ср., например, серебряные поясные пластины с изображением тигра, терзающего копытное из Сихуигоу (Неи Мэнью взну коагу. 1992. № 6–7. С. 92. Рис. 1 (5)) с резьбой гроба-колоды из Башадара. То же можно сказать и о некоторых деталях оформления костюма протоусуней округа Турфана. Так, в кургане 8 Пазырыка известны своеобразные ромбовидные золотые бляшки, внутри каждой из которых представлены четыре малых граненых ромба (*Руденко*. Культура населения Горного Алтая... Рис. 76, б). Идентичные бляшки происходят из могилы М-30 в Алагоу (Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. М., 1988. Рис. 30).

В торевтике южных соседей пазырыкцев представлены золотые изделия в зверином стиле очень высокого художественного уровня, при этом – без китайского влияния. См., например, бляху с изображением тигра в «S»-видной позе из Алагоу (Сёсон бунка-но фурасабо-о тадзунэтэ. Игруко ро: до тэн. (Восходя к истокам культуры Сёсон. Выставка Шелкового пути). Токио, 1986. Табл. 8).

¹⁰ *Киселев*. Древняя история... С. 336.

¹¹ *Грязнов М.П.* Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980. С. 46.

¹² *Полосьмак Н.В.* «Стерегиущие золото грифы»... С. 23; *Она же*. Погребение знатной пазырыкской женщины на плато Укок (предварительное обобщение) // Altaica. Вып. 4. Новосибирск, 1994. С. 5. В кургане 1 Ак-Алахи 3, по определению Р. Хаури-Бионда, между смертью и захоронением прошло до полу-

Для прочности простегивались даже ременные пояса, подошвы обуви и меховые подкладки плечевой одежды, причем плотность стежков достигала подчас 20 на 1 см (!). Н.В. Полосьмак считает простегивание одежды отчасти магическим действием, так как, например, у таджиков одежда, сшитая из множества лоскутков, в ряде случаев выполняла функции оберега¹³; однако сплошное простегивание отнюдь не идентично крою из лоскутков. Думается, функции сплошного простегивания предметов костюма были иными (увеличение носкости и эстетические достоинства).

Даже знатные лица не брезговали одеждой, сшитой в виде мозаики из различных обрезков (оформленной, впрочем, весьма изящно). Крой был экономным.

Наплечная одежда. У обоих полов ее полный перечень был отчасти сходен и включал у знати нательную рубаху, короткую куртку «куртак», парадную шубу «кандис» и плащ. У женщин встречаются также нераспашное длинное платье и юбка. Однако даже у знати наплечная одежда часто представлена всего одним предметом (куртка или шуба), ношение нательной рубахи отнюдь не было обязательным (последнее обычно для кочевых народов в целом).

Спинка наплечной одежды кроилась из двух основных вертикальных полотнищ и с плечевым швом. Пришивной подол и боковины редки. Использовались ластовицы, пришивные обшлага; у ворота материал немного скашивался. Верхняя одежда обычно сплошь простегивалась очень частыми стежками сухожилевых нитей. Меховая или кожаная подкладка тоже часто простегивалась. Одежда была довольно широкой.

Богато орнаментированные персидские ткани на одежду не шли, в отличие от китайского шелка (женская рубаха из Ак-Алахи 3, мужские – из рядового кургана 1 Уландрыка I, одна из одежд, покрытая шелком, и нагрудник из Катанды¹⁴). Для верхней одежды использовались местные меха (шуба из соболя и куртка из соболя и белки в кургане 2 Пазырыка, из горностая и соболя – в Катанде; нашивалась кайма из окрашенного меха соболя, выдры, гнедого жеребенка у женщины из кургана 2 в Пазырыке; из шкурки крота – в кургане 2 Башадара), замша, черная кожа (Башадар, курган 2), красная кожа (Уландрык I, курган 2), белый войлок (Пазырык, курган 3, Ак-Алаха 1), а для нижней – красная шерсть (Уландрык I, курган 1; Уландрык IV, курган 1) или неокрашенное полотно из конопли (мужская рубаха из кургана 2 Пазырыка). Особенностью пазырыкцев плато Укок (на юго-западе) было включение в материал для войлока и шнурков верблюжьего волоса¹⁵. В другом могильнике юго-западного района (Катанда) были популярны тонкие ткани из верблюжьей шерсти¹⁶, которая поступала с запада.

Рассмотрим отдельные категории плечевой одежды.

1. Общеиранский церемониальный «кандис», носившийся знатью и характерный, главным образом, для скифо-ахеменидского времени. Это богато декорированное, очень длинное, носившееся внакидку одеяние с длинными и узкими рукавами¹⁷. В курганах пазырыкцев он пока встречен только у мужчин (катандинский «халат», шуба из кургана 2 в Пазырыке), у которых он шился из меха соболя и горностая, на меховой же подкладке.

В кургане 2 Пазырыка соболий мех снаружи выделан как замша. На спинке кандиса изображены два обращенных друг к другу крупных стоящих оленя с рогами-

¹³ Полосьмак Н.В. Исследование пазырыкского кургана Кутургунтас // ВДИ. 1992. № 4. С. 53–54.

¹⁴ Шелковые ткани среди прочих достоинств имели одно, весьма важное для гигиены кочевников. В нательной одежде из шелка трудно было прятаться обычным в то время вшам. См. Петрова А.М. Великий шелковый путь. О самом простом, но мало известном. М., 1995. С. 58.

¹⁵ Глушкова Т.Н. Плетение и ткачество в раннем железном веке (по материалам могильника Ак-Алаха 1) // Полосьмак. «Стерегиущие золото грифы»... (Приложение). С. 119.

¹⁶ Киселев. Древняя история... С. 345.

¹⁷ Linders T. The Kandis in Greece and Persia. Stockholm, 1984; Горелик В.М. К этнической идентификации персонажей, изображенных на предметах Амурдарьинскогоклада // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. М., 1985. С. 36–37; Шильц В. К вопросу о персидском «канди» и его распространении в Азии // Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда (IV в. до н.э. – VIII в. до н.э.). Тез. докл. советско-французского colloquiuma. Ташкент, 1986. С. 115–116.

деревьями, украшенными золотыми дисками, которые вместе с грифонными головками образуют «листья»¹⁸.

Подол украшен рядом «завитков», подобно мужскому кафтану на ковре из кургана 5 Пазырыка¹⁹. В обоих случаях борта наплечной одежды декорированы полосой меха, окрашенной в синий цвет. Последнее относится и к женскому кафтану из кургана 2 и отражает, вероятно, некую традицию, свойственную знати одного из племенных подразделений пазырыкцев и отмеченную в материалах единственного могильника.

Рукава пазырыкского кандиса имеют обшлаг из шкуры гнедого жеребенка и декорированы двумя прямоугольными кожаными пластинами, покрытыми золотом²⁰. Они широки, но внизу зашиты.

Еще богаче оформлен кандис мужчины из Катанды (рис. 1, 2/1)²¹. Он имеет формы, классические для ряда иранских народов (саки-тиграхауда, арееи, мидийцы и персы на ахеменидских изображениях): очень длинные (102 см) и узкие (до 7 см) рукава, сильно расширяющийся книзу стан. Снаружи использован мех соболя и горностая. Часть мехов была окрашена в красный и зеленый цвета, другие сохранили природные желтоватый и коричневый.

Этот кандис украшали более 3000 кожаных квадратиков зеленого и красного цвета и более 8000 золоченых пуговиц в форме круга и квадрата. Большая часть стана и рукава были декорированы сплошной «чешуей», детали которой окрашены в красный, зеленый, желтый и коричневый цвета (внизу каждой «чешуйки» имеется треугольный выступ)²². Эта парадная одежда имела следы ремонта, заметны части утерянных нашивных украшений²³.

В декоре мужских кандисов пазырыкцев есть детали, имеющие аналогии только на парадных одеждах ахеменидского Ирана. Так, обшлаг пазырыкского одеяния украшен двумя вертикально нашитыми удлинненными прямоугольными пластинами, а спинка катандинского – кожаным оплечьем в форме фигурной скобки (ср. также фигурку конного лучника из Саяно-Алтая в Сибирской коллекции Петра I²⁴). Оба этих элемента представлены на кандисе аристократа с персидской серебряной статуэтки, хранящейся в Гос. Берлинских музеях²⁵. Влияние церемониальной одежды знати Ахеменидов на далекий Алтай (и попадание туда персидских тканей и подлинных персидских одежд²⁶) может объясняться какими-то дальними дипломатическими контактами. Эти вещи могли попасть через восточные сатрапии (Бактрия, Гандхара или Согдиана) или через самых восточных кочевых подданных (каковыми можно считать, вероятно, саков *haumavargā* – аморга у Ктесия²⁷).

Женский кандис известен пока лишь на изображении богини на войлочном ковре

¹⁸ Руденко. Культура населения Горного Алтая... С. 105–106. Табл. XCI, 4; XCII, 2.

¹⁹ Там же. Табл. XCVIII, 1–2.

²⁰ Там же. Табл. XCVI, 1.

²¹ Видонова Е.С. Катандинский халат // Тр. ГИМ. 1938. VIII. В литературе высказывалось мнение, что этот кандис мог быть женским, но без какой-либо аргументации. Не подтверждает это и состав сопровождавших его других предметов одежды (например, деревянная имитация поясной пряжки с изображениями в зверином стиле: см. ниже). Ср. Грязнов М.П. Алтай и приалтайская степь // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 173.

²² Аналогичную структуру чешуек/перьев видим у «феникса» на местном войлочном ковре из кургана 5 в Пазырыке.

²³ Видонова. Катандинский халат. С. 136.

²⁴ Руденко. Культура населения Центрального Алтая... Рис. 114.

²⁵ Горелик. К этнической идентификации... Табл. IV, к. С. 41.

²⁶ В питеом пазырыкском кургане для конского чепрака была использована разрезанная на мелкие куски парадная ахеменидская одежда. См. Гаврилова А. Узор на иранской ткани из 5-го Пазырыкского кургана // СТЭ. 1980. XLV. С. 54.

²⁷ Ср. Gardiner-Garden J.R. Ktesias on Early Central Asian History and Ethnography. Bloomington (Ind.). 1987. P. 25–32.



Рис. 1. Пазырык, курган 1 – 11 (узда); курган 2 – 5, 8, 18, 30, 37; курган 3 – 7, 19; курган 5 – 2, 12, 13, 33 (войлочные ковры), 4, 15–16; курган 7 – 23; Катанда II – 21–22; Туэкта, курган 2 – 26; Башадар, курган 2 – 35; Ак-Алаха 1, курган 1 – 9, 14, 25, 28, 36; Ак-Алаха 3, курган 1 – 6, 17, 24, 29, 38; Уландрык I, курган 1 – 1; Уландрык I, курган 2 – 3, 20, 34; Уландрык IV, курган 3 и Барбургазы I, курган 25 – 31; Юстыд XII, курган 7 – 10; декор пластин мужских наборных поясов южной части Горного Алтая – 32

из кургана 5 в Пазырыке²⁸. Он так же, как и «классические» образцы, очень широк и длинен, имеет широкую полосу декора по борту (из тех же «завитков», что и мужской из кургана 2).

Все кандисы пазырыкцев, в отличие от других иранцев, не завязывались на груди, а запаховались.

2. Особое место в мужской наплечной одежде занимает кожаный «фрак» из Катан-

²⁸ Руденко. Культура населения Горного Алтая... Табл. XCVIII.

ды с очень длинной задней фалдой (рис. 1, 22). Специфический крой этой одежды имеет аналогии у более северных народов Сибири, у которых она, видимо, была заимствована²⁹. У самодийцев похожий крой имела ритуальная одежда из цельной шкуры оленя³⁰. Этот тип одежды бытовал у шаманов Алтая до начала XX в.³¹

3. На войлочном ковре из кургана 5 Пазырыка у всадника представлен древнейший из известных у иранских народов короткий и узкий плащ типа римского *paenula*, крепившийся на плече. Он имеет желтый цвет и украшен крупными синими кружками. Примерно тогда же подобные плащи отмечены у саков Семиречья (бляшки со всадником из кургана Тенлик³²), с рубежа IV–III вв. до н.э. – на «греко-сиракских» ритонах с Кубани («Кубанский» и из Мерджан³³).

У пазырыкцев не было принято помещать такие плащи в могилу (возможно, потому, что они не входили в обязательный комплект парадной одежды). У других иранских народов в скифское время известен плащ иного типа («кас») – длинный, с двумя завязками у шеи (персы, арены).

4. Короткий мужской кафтан/«куртак» из кургана 3 в Пазырыке³⁴ (рис. 1, 19) кроился без боковин, но с глубокими боковыми разрезами, с капюшоном и двумя накладными треугольными карманами³⁵. На груди он крепился двумя парами нашитых по бортам завязок из красных шерстяных ниток.

В Башадарском кургане 2 кожаный кафтан был расшит орнаментом из сухожильных ниток в виде «бегущей спирали» и рядами меховых прямоугольничков³⁶. В рядовых мужских курганах 22 и 25 Юстыда XII борта кожаных одежд были мелко простеганы и украшены полосами с рядами стилизованных головок грифонов.

В Ак-Алахе 1 мужскую войлочную куртку украшали круглые вставки из красного войлока на левом плече и из зеленого войлока на правом. Края цветных войлоков вырезались в форме 4-лепестковой розетки³⁷. На другой мужской куртке из Уландрыка IV (курган 3) на плечах крепились две идентичных берестяных покрытых золотом аппликации в форме головы льва, держащего в пасти рыбу. Женский кафтан из пазырыкского кургана 2 имеет узкие «ложные» рукава, меховую кайму и пришитый нагрудник³⁸.

Видимо, с мальчиком связано символическое захоронение куклы в кургане 2 Уландрыка I. Найденный здесь кафтан имел меховую опушку ворота, подола и обшлагов и широкий горизонтальный ворот (рис. 1, 20)³⁹. Считать его по сохранившимся фрагментам не р а с п а ш н ы м (и следовательно, нетипичным для пазырыкцев) нет оснований так же, как думать, что эта одежда из тонкой замши носилась зимой⁴⁰.

Два последних кафтана богато украшались полосами кожаных аппликаций с рядами стилизованных петушков на бортах, обшлагах и вдоль рукавов, а также

²⁹ Там же. С. 208.

³⁰ Равдоникас Т.Д. Поздние аналоги мужской плечевой одежде обитателей эллинистического Пантикапея // Сб. МАЭ. 1978. XXIV.

³¹ Прокофьева Е.Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Сб. МАЭ. 1971. XXVII. С. 60.

³² Акишев К.А. Древнее золото Казахстана. Алма-Ата, 1983. Рис. на с. 146 сл.

³³ Яценко С.А. Сарматские и скифские элементы в антропоморфных изображениях Прикубанья конца IV – первой половины III в. до н.э. // Кочевники евразийских степей и античный мир. Новочеркасск, 1989. С. 122 сл.

³⁴ Руденко. Культура населения Горного Алтая... С. 107 сл. Рис. 57–58.

³⁵ Накладные карманы в костюме древних ираноязычных этносов сохраняются очень редко. Ср. карманы штанов мужчины из ящика IX Мавзолея Неаполя Скифского (Погребова Н.Н. Погребения Мавзолея Неаполя Скифского // МИА. 1961. 96. С. 197).

³⁶ Руденко. Культура населения Центрального Алтая... С. 208 сл. Рис. 33.

³⁷ Полосымак. «Стережущие золото грифы...». С. 39.

³⁸ Руденко. Культура населения Горного Алтая... С. 115. Рис. 60.

³⁹ Кубарев. Курганы Уландрыка... Рис. 30, а.

⁴⁰ Ср. Там же. С. 84.

четырьмя полосами – вдоль бортов каждой полки (Пазырык, курган 2) и вокруг ворота (Уландрык).

4а. Мужской меховой полушубок. Представлен пока на юго-западе (плато Укок) – в могильнике Верх-Кальджин II⁴¹ (курган I и 3). В последнем случае одежда из шкурок сурка имела подкладку из овчины. В первом у овчинной шубы петель и пуговиц не имелось, и держалась она поясом, имея глубокий запах. Длинные рукава у запястья стягивались продетый ремешком. Подол имел опушку из красного верблюжьего волоса (?).

5. Женское шерстяное платье, обшитое бронзовыми бляшками, известно из I Кандинского могильника 1865 г.⁴² Оно имело невысокий (около 4 см) стоячий ворот из тонкой ткани, на которой были нашиты ряды круглых и овальных (каплевидных) листков. Такой же декор этой детали женского платья документируется в I в. н.э. у юэчжей Бактрии⁴³ и в богатых аланских могилах рубежа II–III вв. н.э. у устья Дона⁴⁴. Мнение о том, что стоячий ворот был китайским по происхождению элементом в данной части Азии⁴⁵, основано на поздних материалах и является недоразумением.

Женское платье на изображении богини с войлочного ковра в кургане 5 Пазырыка, выглядит из-под кандиса⁴⁶ (рис. 1, 23). Оно едва достигает середины голени, имеет длинные и очень узкие рукава с узкими же обшлагами, а также стоячий ворот.

6. Мужские рубахи из пазырыкского кургана 6 широки в плечах, с глухим воротом и, в отличие от верхней одежды, не простегивались. Конструктивные швы подчеркнуты единым красным ремешком или красной тесьмой. Рубахи имели небольшие боковины, рукава слегка сужались (рис. 1, 18)⁴⁷. Подчеркивание швов мужской рубахи красной тесьмой известно также в предскифское время на мумиях с древней территории предков больших юэчжей у Черчена в Юго-Восточном Синьцзяне⁴⁸.

Женская белая шелковая рубаха почти идентичного кроя надета в качестве верхней на погребенную весной–летом в Ак-Алахе 3 (курган 1)⁴⁹. Отличается лишь оформлением края рукавов. Если в Пазырыке они скошены внутрь, то в Ак-Алахе они обычного типа и со сборками (сходство между названными мужчиной из Пазырыка и женщиной из Ак-Алаха ярко проявляется также в специфических изображениях на их татуировках и монголоидном облике обоих).

В заключение отмечу такой, на первый взгляд, малосущественный элемент декора наплечной одежды, как низки «балабошек», известные в юго-западных могильниках (Ак-Алаха, Кутургунтас) у лиц обоих полов. Это витые шерстяные красные шнуры, на каждом из которых нанизывалось по семь «балабошек». Они найдены у плеча умерших и, вероятно, вшивались в шов верхней одежды⁵⁰.

Прямая аналогия этой традиции отмечена у ираноязычных осетин. Здесь у обоих

⁴¹ Молодин В.И. Исследование кургана с мерзлотой могильника Верх-Кальджин II // Археологические открытия 1994 года. М., 1995. С. 293.

⁴² Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. В.В. Радлова в 1865 г. // Тр. ГИМ. Вып. 1. Разряд археологический. М., 1926. С. 79.

⁴³ Яценко С.А. Костюм и покровы кочевой аристократии из некрополя Тилля-тепе (Афганистан) // Уч. зап. Комиссия по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока. М., 1989. С. 263. Рис. 17, б.

⁴⁴ Могильники Высочино V, курган 18 и Новоалександровка I, курган 20. Материал любезно предоставлен Е.И. Беспалым.

⁴⁵ Сычев Л.В. Из истории плечевой одежды народов Центральной и Восточной Азии (К проблеме классификации) // СЭ. 1977. № 3. С. 32.

⁴⁶ Руденко. Культура населения Горного Алтая... Табл. ХCVIII.

⁴⁷ Там же. С. 104. Рис. 5–6.

⁴⁸ Ахмад Р., Долкун К. Уникальные находки Таримской археологической экспедиции (о раскопках древнего могильника в уезде Черчен) // Памятники культуры Синьцзяна. Вып. 1. Урумчи, 1986 (на уйгур. яз.). С. 3–8.

⁴⁹ Полосьмак. Погребение знатной женщины... С. 9. Рис. 2–3; The Altai culture. Catalogue. Seoul, 1995. Fig. 30.

⁵⁰ Полосьмак. «Стережущие золото грифы»... С. 39. Рис. 33.

полов на левом плече нашивалась низка из семи длинных шнурков. Количество узлов на шнурках соответствовало, по одним сведениям, числу прожитых человеком лет, по другим – количеству недель траура по одному из ранее умерших близких родственников⁵¹.

Аналогия подобному украшению на плече в виде пучка лент/шнурков или розеток с отростками позже известны также у бывших южных индоевропейских соседей пазырыкцев в Синьцзяне и Ганьсу и у их потомков – как у ираноязычных (хотано-саки; юэчжи, откочевавшие затем в Бактрию), так и тохароязычные (жители Кучи). Оно крепилось на правом плече. К сожалению, мелкие детали на них не видны. В Хотане они пока документированы у мужчин⁵², в Куче – обоих полов⁵³, а у юэчжей Бактрии (Тилля-тепе, могила 1; скульптура Халчаяна) – у женщин⁵⁴.

По о с н а я о д е ж д а. Высказывалось мнение, что впервые штаны пазырыкцев были обнаружены в 1990 г. в Ак-Алахе⁵⁵. В действительности же они были найдены еще в 1865 г. в Катанде I (курган 8) и в 1954 г. в Туэкте (курган 1)⁵⁶ и затем – в Уландрыке IV (курган 1). Вместе с тем очевидно, что в восточной части Горного Алтая местные племена не помещали штаны в могилы (Пазырык, Уландрык, Юстыд); вероятно, речь идет об охранительном обряде против «оживающего» покойника⁵⁷.

В Ак-Алахе I у мужчины и девушки штаны шились из красной шерсти (кашемира и муслина), окрашенной мареной (последняя, видимо, привозилась из Средней Азии)⁵⁸. У мужчины из Верх-Кальджина II они окрашены в малиновый цвет, у мужчины из Уландрыка IV – в красный с черными полосками⁵⁹. Сходные штаны из к р а с н о й (обычно – грубой) шерсти бытовали и у соседей пазырыкцев: у протоюэчжей Черчена⁶⁰, у хунну Монголии (Ноин-Ула, курган 6) и, вероятно, у саков Семиречья (Иссык; сохранился лишь тлен). У кочевников Кенкола в Киргизии (II–III вв.) они шились из красной кожи⁶¹.

На юго-западе, в Ак-Алахе, штаны зауживались внизу, а сверху завязывались шнурком. Каждая штанина кроилась из двух половин, в шагу имелась квадратная вставка (сходный крой документируется у протоюэчжей Черчена). Мужские штаны дополнительно имели разрез спереди, прикрытый деталью в форме удлиненного треугольника без вершины⁶² (рис. 1, 25).

Катандинские штаны изготовлены из грубой шерсти. Штанины внизу очень узки и имеют небольшой вырез. Он обшит шнурком, края которого висели⁶³ (при необходимости штаны подвязывались им на лодыжках, как у стоящего персонажа на греко-скифской амфоре IV в. до н.э. из Чертомлыка⁶⁴).

В Туэкте мужские штаны из плотной замши, напротив, были широкими и кроились экономно из более чем 400 различных лоскутков. На каждой штанине было нашито вертикально по семи ажурных кожаных золоченых полосок с прорезным орнаментом

⁵¹ Гаглоева З.Д. Осетинский национальный костюм // Изв. ЮОНИИ. Вып. XIII. Цхинвали, 1964. С. 224 сл.

⁵² Дьяконова Н.В., Сорокин С.С. Хотанские древности. Терракота и штук. Л., 1960. № 19.

⁵³ Grünwedel A. Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch Turkestan. B., 1912. Fig. 16, 51–53, 116.

⁵⁴ Яценко. Костюм и покровы кочевой аристократии... С. 262.

⁵⁵ Полосьмак. Исследование пазырыкского кургана... С. 143 сл.

⁵⁶ Садако Като предположила, что туэктинские фрагменты относятся не к штанам, а к плечевой одежде (Полосьмак. «Стерегиущие золото грифы»... Прим. на с. 39), однако это мнение никак не аргументируется.

⁵⁷ Кубарев. Курганы Уландрыка... С. 85 сл.

⁵⁸ Глушкова. Плетение и ткачество... С. 116 сл., 120.

⁵⁹ Молодин. Исследование кургана... С. 292; Кубарев. Курганы Уландрыка... С. 185. Табл. LXVIII, а.

⁶⁰ Ахмад Р., Долкун К. Уникальные находки...

⁶¹ Бернштам А.Н. Кенкольский могильник. Л., 1940. С. 9.

⁶² Садако Като. Штаны из погребения в кургане I могильника Ак-Алаха I // Полосьмак. «Стерегиущие золото грифы»... (Приложение). С. 111–114. Рис. 1, 4.

⁶³ Захаров. Материалы по археологии... С. 80.

⁶⁴ Наблюдение по поводу этой детали сделано в 1993 г. А.Ю. Алексеевым (Эрмитаж).

внутри в форме кругов и квадратов. Такой орнамент, вероятно, несет значительную смысловую нагрузку⁶⁵. В шагу была вшита полоса шкуры серого жеребенка (рис. 1, 26).

Интересно, что в известных случаях штаны не сопровождалась набедренной повязкой.

Юбка из Ак-Алахи 3 из плотной шерсти длиной до пят носилась молодой женщиной. Эта узкая юбка белого цвета имела красный пришивной подол и подпоясывалась (рис. 1, 24).

Головные уборы. У мужчин и женщин их типы (за исключением уборов типа 1) существенно различались. Пазырыкцы изготавливали их из шерстяных тканей, тонкого войлока, кожи и замши.

Тип 1. Наибольший интерес представляют, несомненно, носившиеся взрослыми обоих полов и детьми островерхие уборы из плотного войлока, в сложный декор которых входили золоченые деревянные скульптурки животных двух-четырех видов (рис. 1, 8–10). Эти уборы имели деревянный гребень, крепившийся на макушке особым шипом⁶⁶, а по нижнему краю они иногда украшались деревянной же золоченой или раскрашенной «диадемой»-метопидой. Войлочная основа таких уборов подчас окрашивалась в красный (Юстыд XII, курган 19) или коричневый (изначально – красный?) цвет (Пазырык, курган 2). В последнем случае убор сохранился фрагментарно.

Судя по образцу из Ак-Алаха 1, уборы типа 1 кроились из симметричных половинок тонкого войлока, имели широкий назатыльник и длинные, узкие поушники⁶⁷. Силуэт убора имеет близкие аналогии у саков-тиграхауд и у персов (у последних верх свисал, так как был изготовлен из ткани).

В комплекте с уборами типа 1 носился подчас «подшлемник» из тонкого войлока⁶⁸. Он найден также со сходным убором в могиле предскифского времени у оз. Лобнор⁶⁹. На последнем образце лучшей сохранности назатыльник убора был собран в складки белой нитью.

Деревянные гребни на таких уборах характерны для всех групп пазырыкского общества. Вероятно, они сохранились в ограбленном «аристократическом» кургане 2 в Пазырыке⁷⁰. Один из них покрыт великолепной резьбой с изображением терзания гуся орлом и завершается крупной скульптурной головой грифона, держащего в пасти голову оленя (рис. 1, 8).

У знати низшего ранга в курганах 1 и 2 Ак-Алаха 1 гребень украшен двухстворчатой стилизованной головой птицы, на макушке которой с помощью клея установлена скульптурка коня или бычка на особом шипе (рис. 1, 9)⁷¹.

В рядовых могилах деревянные гребни имеют клювовидную форму, в которой практически не угадывается голова птицы, но с той же фигуркой коня наверху (Уландрык II, курган 8; Юстыд XII, курган 7, 8, 11) (рис. 1, 10)⁷².

В серии погребений взрослых – как мужчин (Барбургазы I, курган 30), так и жен-

⁶⁵ См. Яценко С.А. О семантике одного из элементов декора парадного костюма ранних кочевников // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Тез. докл. Ч. 2. Омск, 1987. С. 135 сл.

⁶⁶ У знати см. Полосьмак. «Стережущие золото грифы»... Рис. 34–35; ср. в рядовом кургане 30 в Барбургазы I.

⁶⁷ Там же. С. 40–41.

⁶⁸ Молодин. Исследование кургана... С. 293.

⁶⁹ Bergman F. Archaeological Researches in Sinkiang Especially the Lop Nor Region // Reports from Scientific Expedition to the North-Western Provinces of China under the Leadership of Dr. Sven Hedin. Publication 7. Archaeology. Stockholm, 1939. P. 137 f.

⁷⁰ Кубарев. Курганы Юстыда... С. 108.

⁷¹ Полосьмак. «Стережущие золото грифы»... Рис. 34–35, 38, 81.

⁷² Кубарев. Курганы Юстыда... С. 26. Позже, у преемников пазырыкцев – племен булан-кобинской культуры начала нашей эры, известен сходный войлочный убор с гребнем, «обитым золотой пластиной» в могильнике Усть-Эдиган.

щин (Ташанта II, курган 3; Юстыд XII, курган 21 и 27; Барбургазы I, курган 17) – с такими уборами найдены одна (реже – две) тоненькая палочка-прутик и подчас – полоски бересты. В.Д. Кубарев считает их элементами жесткого каркаса убора⁷³. К сожалению, исследователь не учел более южные материалы предскифского времени из раскопок 30-х годов шведской экспедиции у оз. Лобнор, где аналогичные уборы лучшей сохранности, чем пазырыкские, выявлены в ряде могил (рис. 2, 3)⁷⁴. Так в подобные палочки втыкались (по одному, вертикально) за полосы бересты, обвивающие убор, два–четыре длинных птичьих пера на левом боку. У пазырыкских женщин эти перья с прутиками обычно встречались в сочетании с прической с тремя наконечниками (Ташанта II, курган 3; Юстыд XII, курган 21; Барбургазы I, курган 17)⁷⁵.

Нижнюю часть головных ubоров типа 1 у взрослых обоих полов иногда охватывали деревянные обручи. Они нередко окрашивались в красный цвет (Уландрык IV, курган 1). Эти обручи никогда не сочетаются с описанными выше перьями на прутиках. Они не были самостоятельным элементом костюма, и считать их диадемами⁷⁶ вряд ли правильно, у юго-восточных соседей – луфаней Ордоса обручи делались из золота (рис. 2, 2).

Иногда на них представлены сцены терзания одного копытного двумя барсами (Уландрык IV, курган 1: четыре барса и два оленя). Терзание оленя хищниками изображались и на нижних пластинах скифских головных ubоров, также имевших в данном случае в целом конусовидную форму (Чертомлык, северо-восточная камера; с. Будки)⁷⁷. Однако у скифов вместо барсов фигурируют грифоны. Известны и парные изображения хищников (Уландрык IV, курган 3).

В других комплексах мы встречаем двух сайгаков (Ташанта II, курган 1), подчас – с рогами оленей (Юстыд XII, курган 23); известны также другие копытные (Юстыд XII, курган 22) или шесть водоплавающих птиц (Уландрык IV, курган 2). Серия изображений оленя/лося на нижних пластинах головных ubоров известна и у скифов (Новоселки, курган 4)⁷⁸. Цепочка водоплавающих птиц также встречается на нижних пластинах-метопидах женских головных ubоров у других древних иранских этносов⁷⁹.

В ряде случаев по нижнему краю убора нашивалась, видимо, полоска войлока или ткани с одним-двумя рядами бляшек-розеток (Юстыд XII, курганы 8, 19; Барбургазы I, курган 25) или простых круглых (Пазырык, курган 2). Подобное оформление налобных лент известно и у скифов, и у бактрийских юэчжей⁸⁰. В Ак-Алахе 1 на такую «повязку», видимо, наклеивалась сплошная полоса фольги с изображением «бегущей спирали».

Уборы детей в юго-восточных могильниках, как правило, имеют внизу крупную плоскую фигурку оленя с подвесками и навершие в виде скульптурки коня. Но у детей в декор головных ubоров никогда не включались обычные у взрослых обручи, птичьи перья на прутиках и золотые зубчатые полоски. Изредка к названным фигуркам до-

⁷³ Там же. С. 106.

⁷⁴ Bergman F. Archaeological Researches... Pl. 10, 2, 6; 26, 3; XXIX.

⁷⁵ Я не исключаю, что количество крупных перьев на головных ubорах пазырыкцев (1–2 экз.) могло быть результатом влияния китайской моды. Во всяком случае в обильных материалах по костюму начального периода следующей китайской династии Хань широко представлены уборы с таким украшением у воинов и чиновников. См. Чжан Моюань. Образцы китайской одежды периода Ханьской династии. Пекин. 1959 (на кит. яз.). Рис. 16 и 50 (с. 63, 98) (1 перо). Рис. 48, 54–55 (с. 97, 100 сл.) (2 пера).

⁷⁶ Кубарев В.Д. Курганы Юстыда... С. 123–125.

⁷⁷ Мирошина Т.В. Некоторые типы скифских женских головных ubоров IV–III вв. до н.э. // СА. 1981. № 4. С. 59. Рис. 9, а. Клочко Л.С. Скифские налобные украшения VI–III вв. до н.э. // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев, 1983. Рис. 7, 1.

⁷⁸ Клочко. Скифские налобные украшения... Рис. 7, 3.

⁷⁹ Кузьмина Е.Е. Золотая пластина с птицами из Амударьинского клада // КСИА. 1979. 159. С. 18–19. Рис. на с. 17.

⁸⁰ Кубарев В.Д. Курганы Юстыда... С. 124.

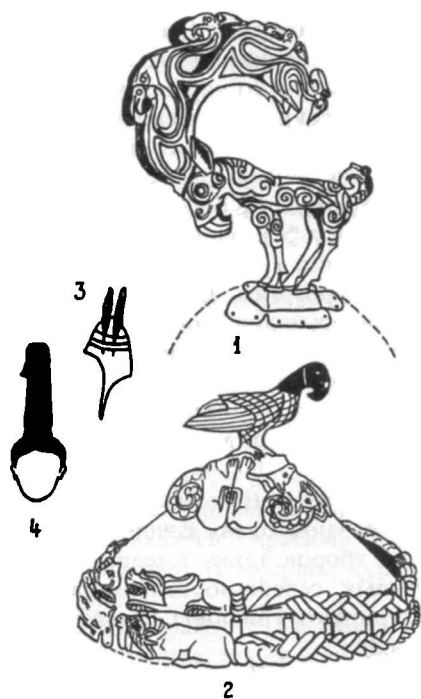


Рис. 2. 1–2 – головные уборы кочевников Ордоса, 3–4 – Юго-Восточного Синьцзяна: 1 – Налингаоту; 2 – Алушайтень; 3 – дельта Кумдарьи (оз. Лобнор); 4 – Субэйси (Турфан)

слегка закругленными углами. При погребении он снимался с головы и клался отдельно, вне гроба.

На единственной бляшке, украшавшей «чехол» в кургане 19 Юстыда XII, нанесено изображение крылатого коня. Единичное его изображение известно также на налобной пластине-метопиде женского убора из Чертомлыка⁸⁴. Это важный образ индоиранской мифологии⁸⁵. Крылатый конь всегда представлен в центре композиции (амфора и упомянутый убор из скифского Чертомлыка; усуньская гривна («диадема») с Каргалинки в Семиречье и др.). «Чехол» из Ак-Алаха 3 делался из ткани и войлока черного цвета. По краю он украшался рядом золоченых фигурок водоплавающих птиц (рис. 1, 6)⁸⁶. Подобное размещение ряда водоплавающих по периметру известно на полусферических уборах некоторых царей Парфии первой половины I в. до н.э. (монеты Готарза I, Санатрука и Фраата III)⁸⁷.

бавляли еще одну-две или нашивные зооморфные бляшки⁸¹. В детских могилах с уборами типа 1 обычно встречены либо «наборной» пояс, либо гривна (они сочетаются в кургане 12 Юстыда XII). На плато Укок, судя по погребению мальчика из кургана 2 Ак-Алаха 1, схема декора была иной, но она пока известна лишь в единственном случае.

На мужских уборах юго-востока, кроме обычных крупного оленя внизу и наверх коня, встречаем дополнительно еще по две-шесть фигурок животных одного-двух видов⁸².

Только для женщин юго-восточных могильников характерна особая разновидность уборов типа 1, имеющая в нижней части крупную фигурку оленя с раздвоенным туловищем. С такими уборами сочеталась особая прическа из двух собственных кос, парика и деревянной булавки (см. ниже). На юге, в Ак-Алахе 3 (курган 1), с такой прической сочетается отчасти сходный убор. Однако оленя в нижней части заменяет крупная раздвоенная фигурка барана. Благодаря хорошей сохранности комплекса удалось выяснить, что верхняя фигурка оленя крепилась на тонком и довольно высоком деревянном конусе (рис. 1, 17)⁸³.

В обоих районах женский головной убор этой разновидности накрывался подчас сверху особым «чехлом» из кожи или войлока, который имел форму удлиненного прямоугольника со

⁸¹ 1 олень (Уландрык II, курган 8), орел (Юстыд XII, курган 8), 1 конь и 1 баран (Ташанта II, курган 1), бляшки в форме взлетающих орлов (Юстыд XII, курган 18).

⁸² 4 барана и 2 коня (Уландрык IV, курганы 1 и 2), 1–2 оленя и 3 коня (Юстыд XII, курган 19), 2 коня (Ташанта I, курган 1) и т.п.

⁸³ *Полосьмак*. Погребение знатной пазырыкской женщины... С. 9. Рис. 2–3; *The Altai Culture...* Fig. 30.

⁸⁴ *Алексеев А.Ю., Мурашев В.Ю., Ролле Р.* Чертомлык (Скифский царский курган IV в. до н.э.). Киев, 1991. Рис. на с. 210 сл.

⁸⁵ См., например: *Кузьмина Е.Е.* Конь в религии саков и скифов // *Скифы и сарматы*. Киев, 1977. С. 100 сл.

⁸⁶ *The Altai Culture...* Fig. 30.

⁸⁷ См., например: *Абдуллаев К.* Золотая фигурка птицы из Темир-Коргана // *Фергана в древности и средневековье*. Самарканд, 1994. Рис. 1 (16); *Ghirshman R. Parthes et Sassanides*. P., 1962. Fig. 139.

«Чехол», аналогичный ак-алахинскому, но без зооморфных украшений использовался на женских уборах V–III вв. до н.э. в усуньском могильнике Субэйси в округе Турфана⁸⁸. Он сочетается там и со сходной прической (рис. 2, 4).

Другая разновидность женских уборов типа 1 близка мужским, имела деревянный гребень с навершием в виде фигурки коня и крупной плоской фигуркой оленя внизу (туловище не раздвоено).

Для уборов этой разновидности в юго-восточных могильниках характерно наличие узких зубчатых золотых полосок (в Барзургазы I их обычно по 2 экз., в Юстыде их число обычно кратно 5: 5, 10, 15 экз.). Подобные зубчатые пластины в это время известны как у тагарцев⁸⁹, так и у европейских скифов⁹⁰.

Наряду с этими пластинками нашивались бляшки из золотой фольги (подчас – ажурные) в виде взлетающих орлов (отмечены только в наборе с зубчатыми полосками), головы сайги, реже – быка и лани (?).

Зооморфные украшения уборов типа 1 обычно представляли собой деревянные, покрытые золотом скульптурки, которые крепились на основании клеем и держались вертикально, а также приклеивающиеся плоские фигурки из фольги.

Сам состав зооморфных образов показывает, что изображались прежде всего не реальные животные, а мифологические персонажи. В.Д. Кубарев даже считает их инкарнациями божеств⁹¹.

К наиболее распространенным относятся образы оленя и коня. Обычно одна фигурка оленя крепится ниже одной-двух фигурок коня. В Ак-Алахе удалось выяснить, что очень крупная скульптурка оленя располагалась на нижнем крае убора слева⁹².

Изображения коня обычно парные, при этом он всегда имеет рога горного козла⁹³. Подобное гибридное существо представлено также на головном уборе из кургана Иссык в Семиречье⁹⁴. Этот мифологический персонаж, наряду с «классическим» коном-оленом «бура», дожил в религии алтайцев до XX в.⁹⁵

Олень иногда представлен крылатым (Юстыд XII, курган 16). В женских погребениях он часто изображался с раздвоенным и разведенным в стороны туловищем (в такие фигурки вписаны головы горного барана и сайги). Фантастические персонажи с подобным раздвоенным туловищем известны и на скифских головных уборах (Чертомлык)⁹⁶, и в Китайской торевтике. У разных родоплеменных подразделений пазырыкцев фигурки оленя имели известную специфику (в частности, они смотрят в разные стороны⁹⁷).

Фигурки горных баранов встречаются на уборах как по одному экземпляру, в составе набора (Ак-Алах 3, курган 1; Уландрык IV, курган 3; Ташанта II, курган 1), так и по 4 (вместе с 3–4 конями: Уландрык IV, курганы 1 и 2).

Фигурки сайгаков представлены только в женских погребениях (головные обручи – Ташанта II, курган 4; ажурные бляшки – Юстыд XII, курганы 4, 8, 27).

⁸⁸ См. Ван Бинхуа. Субэйсийские находки // Китай. 1993. № 3. Фото на с. 16; Полосьмак. Погребение знатной пазырыкской женщины... С. 9.

⁸⁹ Курочкин Г.Н. Богатые курганы скифской знати на юге Сибири (Большой Новоселовской и Большой Полтаковской курганы). СПб., 1992. Рис. 22, 39–41.

⁹⁰ Алексеев, Мурзин, Ролле. Чертомлык... Рис. на с. 247. Каталог № 200.

⁹¹ Кубарев. Курганы Юстыда... С. 114.

⁹² Полосьмак. «Стережущие золото грифы»... С. 41.

⁹³ Кубарев. Курганы Юстыда... С. 117.

⁹⁴ Акишев К.А. Курганы Иссык. Искусство саков Казахстана. М., 1978. С. 17–18. Рис. 9.

⁹⁵ Волшебный конь «бура» на шаманских бубнах подчас изображался именно с рогами горного козла, и нет никаких оснований вслед за Л.П. Потаповым считать это «ошибками» художников-шаманов. Ср. Потапов Л.П. Следы тотемистических представлений у алтайцев // СЭ. 1935. № 4–5. С. 136. Рис. 4–5. Козел рассматривался как волшебный конь шамана у туркмен, в этногенезе которых общепризнан значительный иранский пласт. Ср. Басилова В.Н. Пережитки шаманства у туркмен гекленов // Древние верования и культы народов Средней Азии. М., 1986. С. 102.

⁹⁶ Алексеев, Мурзин, Ролле. Чертомлык... Рис. на с. 202–203. Каталог, № 122.

⁹⁷ Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. С. 98.

Фигурка быка известна на навершии убора 8-летнего мальчика в Ак-Алахе 1. Ажурные бляшки с бычьей головой украшали женские уборы Юстыда XII (курганы 16, 19).

Фигурки горных козлов, несмотря на популярность этого образа в пазырыкском искусстве⁹⁸, на уборах типа 1 не представлены. Однако навершия с ними известны в соседних Туве (Кош-Пей I)⁹⁹ и, возможно, в Западной Монголии (Улангом, могила 33)¹⁰⁰. В «аристократическом» погребении лоуфаней Восточного Ордоса (Налиньгаоту, V–III вв. до н.э.) убор венчала золотая фигурка горного козла с огромными рогами, хвостом кошачьего хищника, густой шерстью и клювом орла (рис. 2, 1). Этот редкий монстр имеет аналогию только у пазырыкцев (поясная пластина из Катанды и особенно татуировка руки из кургана 2 в Пазырыке).

В одном случае сверху мужского убора нашивались горизонтальные ряды бляшек с галопирующим крылатым монстром (Юстыд XII, курган 22).

Бляшки в виде стилизованного взлетающего орла нашивались в верхней части убора вертикальными рядами до 5 экз. в каждом (Юстыд XII, курган 19)¹⁰¹. Они использовались в южной части пазырыкского ареала. В VII–II вв. до н.э. они крепились на мужских диадемах европейских скифов (Келермес, 1903 г., курган 1) и племен Тувы (Сулуг-Хем I, сруб 26)¹⁰², но нашивались при этом иначе – одним горизонтальным рядом. В I в. н.э. вертикальные ряды взлетающих орлов известны на аланской диадеме из Кобяково: там они связаны с изображением мирового древа¹⁰³.

Единственное антропометрическое изображение на пазырыкских уборах типа 1 – мужская монголоидная личина со звериными ушами и рогами, помещенная у ног оленя (Уландрык III, курган 14). Оно может быть без труда идентифицировано с конкретным божеством индоиранцев¹⁰⁴. Сходные монголоидные личины со звериными ушами у пазырыкцев помещались и на конской узде (Пазырык, курган 1: в последнем случае их иконография близка египетско-ахеменидским изображениям бога Бэса).

В целом макушку островерхих уборов типа 1 могли венчать четыре различных жи-

⁹⁸ В целом образ горного козла, как и коня, популярен прежде всего в искусстве среднего этапа пазырыкской культуры (V в. до н.э.?). См. Баркова Л.Л. О хронологии и локальных различиях в искусстве ранних кочевников Алтая // АСГЭ. 1995. 32. С. 74.

⁹⁹ Семенов В.А. Хронология курганов знати могильника Кош-Пей I в Уюкской котловине в Туве // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994. Рис. 1, 5.

¹⁰⁰ Новгородова Э.А. Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М., 1989. С. 334. Рис. 9 на с. 290.

¹⁰¹ Они найдены также в курганах 16, 18, 21 и 23 названного могильника, в кургане 26 в Барбургазы I и в кургане I Ак-Алаха I.

¹⁰² Семенов В.А. Реконструкция скифского погребального костюма (по материалам раскопок в Туве) // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. II. Новочеркасск, 1993. С. 71. Рис. 1.

¹⁰³ Гузев В.К. Головной убор из кургана 10 Кобяковского могильника // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1990 г. Вып. 10. Азов, 1991. Рис. 16, 1.

¹⁰⁴ Кубарев. Курганы Уландрыка... Рис. 42. Табл. LXII, 12–13; The Altai Culture... № 91. Сходный мифологический персонаж с ушами и (или) рогами копытного в петроглифах лоуфаней (район, примыкающий к северу к Ордосу) и саков Семиречья изображался всадником верхом на олене (см. Gai Shanlin. Petroglyphs in the Yinshan Mountains. Beijing, 1986. Fig. 117; Марьяшев А.Н. Петроглифы Семиречья // Звери в камне. Новосибирск, 1979. С. 225. Рис. 14). У осетин подобным образом представлялся бог-покровитель диких животных Афсати. Он очень тесно связан с оленями (на ритуальных масках изображался, видимо, в образе старика с рогами оленя; предстает в виде «хозяина стада золотых оленей», из оленьих рогов сделана его кровать и т.п.). Афсати (как и его индийский аналог Пасупати) имеет имя индоиранского происхождения. Видимо, первоначально он считался покровителем всех животных, включая домашних. Он представлялся огромным одноглазым старцем, восседающим на вершине самой высокой горы в стране. Этому персонажу есть аналог в облике Чернунна у кельтов (см. Гуриев Т.А. Наследие скифов и алан. Очерки о словах и именах. Владикавказ, 1991. С. 14–19). То, что данный персонаж – единственный из антропоморфных в костюме пазырыкцев, отнюдь не удивительно. Еще недавно у живших на древней пазырыкской территории южных алтайцев в могилу из изображений божеств помещали лишь идола – покровителя диких животных (ср. Тоцакова. Традиционные черты... С. 132).

вотных. Чаще всего это покрытые золотом скульптурки коня (с рогами горного козла), иногда – бык (Ак-Алах 1, курган 2), олень (Ак-Алах 3, курган 1) или орел (Уландрык II, курган 12; Уландрык IV, курган 2; Юстыд XII, курган 25).

Последние два варианта известны на мужских уборах у других иранских народов древности. Так, олень представлен у «ранних сарматов» (Косика, могила 45)¹⁰⁵, а орел – на диадемах парфянских правителей и богов¹⁰⁶, на уборах хорезмийских царей¹⁰⁷, на женском скифском головном уборе из I Мордвинского кургана (по форме, видимо, близкого пазырыкским)¹⁰⁸, на сосуде из Хотана (Синьцзян) II–VII вв.¹⁰⁹

Закономерности размещения на головных уборах типа I навершеный с тем или иным видом животного остаются пока не ясными. Так, в Ак-Алахе I рядом были похоронены, вероятно, члены одной семьи: отец, взрослая дочь (?) и 8-летний сын (?). Однако если у взрослых уборы оформлены совершенно одинаково и венчались фигуркой коня, то у ребенка наверху украшено уникальной фигуркой быка...

У древних иранцев известны и другие сюжеты зооморфных навершенй. Так, убор правителя у саков Семиречья (Иссык) и юзчжей Бактрии (Тилля-тепе, могила 4) венчала золотая фигурка горного барана¹¹⁰, а у саков Кашгара убор царя – скульптурка льва¹¹¹, у хорезмийских царей – верблюда¹¹², в Туве и Монголии известны уже упоминавшиеся выше фигурки горного козла.

Зооморфные навершеня у центральноазиатских номадов не обязательно делались из металла или дерева. Так, у южных соседей пазырыкцев у оз. Лобнор к макушке подлобного убора пришивалась цельная шкурка горностая (женщина из могилы 36 в дельте Кумдары)¹¹³.

Интересно, что у шаманов Саяно-Алтая еще в нашем веке сохранялась схема размещения образов ритуального головного убора, сходная со схемой пазырыкских образцов типа 1. Внизу обнаруживаем рога оленя и связанную с ними человеческую личину (ср. выше материал из кургана 4 Уландрыка III и прим. 104), выше – перья орла¹¹⁴. Некоторые уборы символизировали птицу и украшались цельной птичьей шкуркой или перьями¹¹⁵.

Однако еще ближе нашим образцам некоторые синхронные памятники ранних кочевников. Такова схема метопиды женского головного убора из скифской Куль-Обы (пара коней, птица, полуантропоморфный персонаж, ряд розеток)¹¹⁶. По многим параметрам сходен и мужской островерхий убор из Иссыка в Семиречье¹¹⁷: зубчатые

¹⁰⁵ Яценко С.А. Центральноазиатские и среднеазиатские традиции в искусстве Сарматии // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. II. Новочеркасск, 1993. С. 77–78.

¹⁰⁶ Луконин В.Г. Искусство древнего Ирана. М., 1977. Рис. на с. 110; Ghirshman R. Iran. Parthes... Fig. 98.

¹⁰⁷ Вайнберг Б.И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977. Табл. X. См. также: The Crossroads of Asia. Transformation in Image and Symbol in the Art of Ancient Afghanistan and Pakistan. An Exhibition at the Fitzwilliam Museum / Ed. E. Errington, J. Gribb. Cambr., 1992. № 124. P. 120 f. В последнем случае возможна и кушанская принадлежность этой каменной головы правителя.

¹⁰⁸ Ключко Л.С. Скифский дитячий костюм // Памятки декоративно-ужиткового мистецтва із колекцій Музею Історичних коштовностей України. Київ, 1993. Рис. 1.

¹⁰⁹ Сорокин С.С. Керамика древнего Хотана // АСГЭ. 1961. 3. Рис. 3, 6. Здесь птица сидит прямо на голове. У памирцев сохранилась легенда, что царем становится тот, на чью голову садится птица (Андреев М.С., Пещерева Е.М. Янгобские тексты. М.–Л., 1957. С. 22).

¹¹⁰ Акишев. Курган Иссык... Табл. 6. С. 89; Sarianidi V. Bactrian Gold from the Excavations of the Tillya-tepe Necropolis in Northern Afghanistan. Leningrad–Vienna, 1985. Pl. 113–120.

¹¹¹ Бичурин Н.Я. Сведения о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М., 1950. С. 258.

¹¹² Вайнберг. Монеты древнего Хорезма... Табл. X.

¹¹³ Bergman F. Archaeological Researches... P. 137.

¹¹⁴ Кенин-Лопсан. Обрядовая практика... С. 49–50.

¹¹⁵ Прокофьева. Шаманские костюмы... С. 63, 99.

¹¹⁶ Ключко. Скифские налобные украшения... Рис. 3, 3.

¹¹⁷ Акишев. Курган Иссык... Рис. 62–63. Вряд ли правильно вслед за К.А. Акишевым называть этот убор тюркским термином «кулах».

пластинки, пара коней с козлиными рогами и зооморфное навершие на «постаменте»¹¹⁸.

Пожалуй, наиболее яркая аналогия уборам типа 1 с навершием в виде летящего орла и «диадемой»-обручем по нижнему краю (как в Уландрыке II, кург. 12) известна у лоуфаней Ордоса. В 1973 г. на северо-западе этого плато в местности Алушайтень было обнаружено богатое захоронение IV в. до н.э. Головной убор был украшен массивными деталями из литого золота (рис. 2, 2). Навершие представляет золотую фигурку парящего орла с головой из бирюзы, на его «постаменте» выгравированы четыре волка, грызущие горных баранов. «Диадем» в нижней части было две, обе – из литого золота (диаметр 16,5 см, вес 1020 г). На нижней из них на концах изображены лежащие копытные (горный баран и лошадь), на сохранившейся половине верхней – крылатый волк. Манера изображения животных также чрезвычайно близка пазырыкской. «Диадемы» скреплены серией штырьков верхнего экземпляра, вставлявшихся в полые цилиндрические пазы нижней (позже подобное видим на золотых диадемах I в. н.э. из Тилля-тепе в Бактрии и Хохлача в Сарматии).

Тип 2. В кургане 3 Пазырыка мужской убор шит из двух кусков войлока и покрыт кожей¹¹⁹. По крою он напоминает капор мальчика из Уландрыка (см. ниже тип б), но имеет длинные и довольно широкие ленты-завязки с утолщениями на концах (рис. 1, 7). Основная часть поверхности покрыта сплошным узором из «чешуек», сделанных на кожаной поверхности из темно-красного лака и была расписана плохо сохранившимися изображениями каких-то фантастических зверей. Видимо, покрытие убора – китайского производства, и оно имитирует декор чжоусских боевых кожаных шлемов¹²⁰. Остатки сходного убора известны и в рядовом мужском погребении (Уландрык III, курган 1)¹²¹, что может свидетельствовать об их достаточно широком распространении.

На макушке пазырыкского убора помещена миниатюрная, кожаная с позолотой квадратная башенка с четырьмя зубцами. (Современные ей персидские короны она напоминает лишь очень отдаленно.)

Тип 3. «Тиары» с жестким каркасом, плоским верхом и широким назатыльником бытовали у многих иранских народов древности – у скифов¹²², персов, кушан, согдийцев. У пазырыкцев «тиара» представлена в изображении богини с войлочного ковра в Пазырыке (курган 5). Она украшена двухцветной зубчатой полосой (рис. 1, 2). Наиболее близка «тиара» богини на терракотах Согда¹²³.

Тип 4. Шапочки, включавшие покрывала до плеч, крепившиеся на голове обручем «диадемой». Подобная шапочка засвидетельствована в кургане 2 Пазырыка в погребении у знатной женщины¹²⁴. Покрывало сделано из тонкой кожи и покрыто мехом молодого жеребенка. Его украшают девять рядов золоченых аппликаций в форме ромбов с розеткой внутри (рис. 1, 5). Обруч сделан из войлока и покрыт кожей; по верхнему краю размещены десять вырезанных из кожи фигурок петушков¹²⁵. На

¹¹⁸ В свою очередь набор из четырех изогнутых зубчатых пластин, аналогичный иссыкскому, есть в скифском Чертомлыкe (Алексеев, Мурзин, Ролле. Чертомлык... Рис. на с. 203. Каталог № 122a).

¹¹⁹ Руденко. Культура населения Горного Алтая... С. 113. Табл. XCII, 2.

¹²⁰ См. Кубарев. Курганы Юстыда... С. 110. К сожалению, мне не удалось лично ознакомиться с деталями этих плохо сохранившихся изображений.

¹²¹ Кубарев. Курганы Уландрыка... С. 178.

¹²² Мирошина. Некоторые типы... Рис. 4.

¹²³ Мешкерис В.А. Согдийская терракота. Душанбе, 1989. Рис. 26 (16) и 27 (16).

¹²⁴ Руденко. Культура населения Горного Алтая... С. 122. Табл. XXVI, 4 и XCVI, 3.

¹²⁵ Эти экзотические птицы стали известны жителям Алтая, как и обитателям Средиземноморья, незадолго до рассматриваемого периода. Первоначально кур держали прежде всего ради петушиных боев. См., например: Салларес Р. Экология древнего мира: проблемы и подходы // ВДИ. 1995. № 3. С. 96. Прим. 51. Стилизованные изображения ряда петушков поперек полусферического головного убора известны на драмах парфянского Готарза I (ок. 90–80 гг. до н.э.). Сводку изображений петушков на головных уборах и серьгах ранних кочевников Центральной Азии см. Абдуллаев. Золотая фигурка птицы из Темир-Коруга... С. 30–31. Рис. 1.

висках со жгута свисали два куска меха соболя и горноста, окрашенные в белый и синий цвета.

Наиболее близкие аналогии у иранских народов представляют таджикские женские шапочки «кулута»¹²⁶.

Тип 5. Головные уборы с жесткой основой, через отверстие в макушке которых пропущена вверх коса. Подобный убор найден в кургане 5 Пазырыка¹²⁷. Он сделан из цельного куска кедр и покрыт кожей. Имеет два отверстия для кос диаметром около 1,5 см (рис. 1, 4). Уже давно отмечалось, что аналогичный образец представлен на изображении богини с пластины «Сон героя у мирового дерева» из Сибирской коллекции Петра I¹²⁸. Похожие берестяные шапочки с трубочкой сверху для косы известны в скифское время в соседней Туве¹²⁹.

У ряда древних иранских народов типологически сходные уборы с отверстиями сверху для косички носили оба пола. Так было у европейских скифов к концу VI в. до н.э., у которых убор имел полусферическую форму¹³⁰, и у хотано-саков Синьцзяна во II–VII вв. н.э.¹³¹

Тип 6. Головные уборы типа капора сибирских народов, плотно облегающие голову, без наатыльника и с лентами-завязками. Такая кожаная шапочка известна в погребении мальчика (?) из кургана 2 Уландрыка I. Она простегана вертикально и опушена мехом, а по нижнему краю украшена кожаной аппликацией в виде ряда пестушков (рис. 1, 3).

Д и а д е м ы. Эти мужские начельные украшения (самостоятельные, не являющиеся лишь деталями головного убора) пока выявлены только в бедных могилах. Они сделаны из дерева, расширяются к центру. На них представлены обращенные друг к другу два копытных: олени (Юстыд XII, курган 23) или верблюды (Уландрык I, курган 1) (рис. 1, 1). Считать их копиями тканых или металлических образцов¹³² пока преждевременно.

П р и ч е с к а. Мужские прически известны на некоторых изображениях мифо-эпических персонажей. В Пазырыке у всадника из кургана 5, изображенного на ковре, и у личин узды из кургана 1 волосы очень короткие, курчавые (или искусственно завитые), прическа с прямым пробором и небольшие усы (у всадника их концы загнуты вверх) (рис. 1, 11 и 12).

Другой тип прически представлен у «сфинкса» («аримаспа») на фрагменте войлочного ковра из кургана 5 и у всадника на золотой статуэтке из Сибирской коллекции (рис. 1, 13). Спереди волосы собраны над лбом в небольшой узел (кок), сзади они довольно длинные и у «сфинкса» заплетены в косичку. Мужские прически с коком над лбом известны в это время также у европейских скифов¹³³.

Третий тип прически встречен в кургане I Ак-Алаха I. Пожилой мужчина имел волосы средней длины, постриженные, видимо, «под горшок» и носившиеся без пробора (на лбу и макушке были залысины) (рис. 1, 14).

¹²⁶ См. Широкова З.А. Традиционные женские головные уборы таджиков (юг и север Таджикистана) // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989. Рис. 23, 4, 6–8.

¹²⁷ Руденко. Культура населения Горного Алтая... С. 123.

¹²⁸ Грязнов М.П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // АСГЭ. 1961. 3. С. 22. Рис. 11–12.

¹²⁹ Семенов. Реконструкция скифского погребального костюма... С. 74.

¹³⁰ См. Изображения юноши-стрелка на афинской вазе (*Vos M.F. Scythian Archers in Archaic Attic Vase-Painting* (Archaeologia Traiectina, VI). Groningen, 1963. Pl. IV, b) и убор на скифском перстне Аргота (Кузнецова Т.М. О сюжете на перстне царя Скила // КСИА. 1986. 186. Рис. 1).

¹³¹ См., например: Stein A. Ancient Khotan. V. II. Oxf., 1907. Pl. XLIV; Stein A. Serindia. V. IV. Oxf., 1921. Pl. CXXVI.

¹³² Кубарев. Курганы Юстыда... С. 123.

¹³³ Яценко. Скифский мужской костюм на предметах греко-скифской торевтики IV в. до н.э. (К вопросу об этнографизме изображений) // Вестник Шелкового пути. Археологические источники. Вып. 1. М., 1993. Табл. 4а, внизу.

В ряде случаев у мужчин известны остатки париков в виде толстых пятен черного тлена (см. ниже). Однако они не сопровождаются, в отличие от женских, шпильками и украшениями (Юстыд XII, курган 26).

Борода носилась, видимо, нечасто, но у персонажа со звериными ушами на узде из Пазырыка 1 она окладистая и при этом, вероятно, искусственная, накладная¹³⁴. Мужчине монголоидного облика из кургана 2, приспособляясь к местным обычаям, также пришлось носить искусственную, окрашенную в черный цвет бороду.

Прически у лиц обоих полов в курганах 2 и 5 в Пазырыке отличались столь заметно, что С.И. Руденко считал эти пары принадлежащими к разным племенам¹³⁵. В кургане 2 у обоих погребенных волосы на голове полностью обриты. Зато в кургане 5 и у мужчины, и у женщины их обрили только спереди. На макушке и затылке волосы были оставлены. У мужчины они довольно длинные (рис. 1, 15) и могли заплетаться в небольшую косичку, как у «сфинкса» на ковре. У женщины на затылке волосы были собраны в две косы, каждая из которых сплеталась из трех прядей (рис. 1, 16). Затем эти косы были обмотаны вокруг искусственной косы из конского волоса и завязаны двумя войлочными полосками¹³⁶. Для прочности в этот узел были воткнуты две железные вилкообразные булавки с зооморфными навершиями¹³⁷. Обе они имеют длину более 20 см. К концу искусственной косы добавили четвертую (из собственных волос), в которую были вплетены шерстяные шнурки. Все это сложное сооружение выглядывало из отверстия на макушке деревянного головного убора и стояло вертикально¹³⁸ (рис. 1, 4). Традиция носить две косы из собственных волос в сочетании с двумя накладными известна и у протоюэжской Черчена¹³⁹.

Тип женской прически, известный из кургана 5 в Пазырыке (голова обривается спереди, на макушке оставленные волосы собираются в две косы), бытует на Алтае и в Туве до сих пор (правда, она сохранилась только у девочек)¹⁴⁰. Попытку ряда этнографов представить этот тип результатом влияния китайско-маньжурской династии Цин в XVII–XVIII вв. в свете сказанного нельзя признать удачной.

У женщины из кургана 2 косы, возможно, были отрезаны в знак принадлежности умершему мужу после его смерти (вспомним аналогичный обычай у осетин и находки отрезанных женских кос в хуннских курганах Ноин-Улы). У основания обе косы были закручены в пропитанный клеем узел. Косы были перевязаны ремешками и обвиты волосной бахромой¹⁴¹.

В южной части Горного Алтая известна особая женская прическа в сочетании с головными уборами типа 1 (в нижней части которых – крупный олень или баран с раздвоенным туловищем). Волосы также заплетали в две косы из трех прядей каждая. Тканый (?) накосник сопровождался одной-двумя деревянными золочеными или металлическими пластинками с резным орнаментом, который в каждом случае индивидуален¹⁴². Исключением являются случаи, когда с прической, кроме двух обычных,

¹³⁴ См., например: Баркона Л.Л., Гохман И.И. Происхождение ранних кочевников Алтая в свете данных палеоантропологии и анализа их изображений // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994. С. 28, 30–31.

¹³⁵ Руденко. Культура населения Горного Алтая... С. 131.

¹³⁶ Там же. С. 130.

¹³⁷ Кубарев. Курганы Аландрыка... С. 96.

¹³⁸ Грязнов. Древнейшие памятники героического эпоса... Рис. 12.

¹³⁹ См. Ахмад, Долкун. Уникальные находки...

¹⁴⁰ Ср. Дьяконова В.П. Этнокультурные параллели к традиционным прическам теленгитов // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово, 1986. С. 35; Сат Л.Ш. Прически и традиционные украшения тувинских женщин (XIX – начало XX в.) // Проблемы истории Тувы. Кызыл, 1984. С. 189.

¹⁴¹ Руденко. Культура населения Горного Алтая... С. 130.

¹⁴² Кубарев. Курганы Уландрыка... С. 94. Рис. 36, 3–6. Аналогичные пазырыкским, но сделанные из бронзы накосники представлены в могилах лоуфаней Ордоса. См. Ордосские бронзы. Пекин, 1985. С. 129 (на кит. яз.) С. 129, 212, 284, 361; Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). Новосибирск, 1994. С. 143.

носился стоявший вертикально наконечник длиной более 20 см в виде изогнутого рога горного козла или его схематичная имитация¹⁴³. Совсем не обязательно связывать ношение таких украшений с тотемистическими пережитками, сохранившимися на Алтае до XX в.¹⁴⁴

В Уландрыке остатки кос всегда прослежены вертикально над головой¹⁴⁵. Это означает, что они вставлялись в отверстие в верхней части головного убора. Особенностью париков женщин, похороненных в южных могильниках, была окраска их в черный цвет. Тлен от них иногда образует вокруг черепа пятно толщиной до 5–6 см¹⁴⁶. После находки в Ак-Алахе 3 стало ясно, что это были парики с основой из обожженных зерен злаков (волосенаца)¹⁴⁷. Подчас с одной женщиной находят до десяти маленьких простейших деревянных шпилек, хотя обычно использовались один-два крупных экземпляра с головой коня¹⁴⁸. Это означает весьма сложную конструкцию прически из многих кос (двух собственных и одной-двух срезанных и искусственных) (рис. 1, 17). Аналогичные усуньские прически округи Турфана (Субэйси) также скреплялись несколькими деревянными шпильками и охватывались плетеной «сеточкой». Поверх надевался «чехол», подобный найденному в Ак-Алахе 3¹⁴⁹.

Обувь. Одной из характерных черт пазырыкцев является ношение обуви с довольно высокими голенищами. У иранских народов в скифское время она также представлена на изображениях бактрийцев, ареев, арахотов, ранних скифов (обух секиры из Келермеса; изваяние из Виноградовки¹⁵⁰ и из Семиречья (Иссык)), позже бытует у кушан и «поздних сарматов». Подошва и голенища пазырыкской обуви кроились отдельно и со сборками у носков. Всего известно четыре типа обуви.

1. Мужские **ноговицы** из ткани или кожи, крепившиеся лямками к поясу (рис. 1, 33) изображены у всадника на ковре из кургана 5 Пазырыка. Ноговицы того же облика с подчеркнутым кроем представлены на бляшках из кургана Тенлик в Семиречье¹⁵¹. В обоих случаях они шились из четырех сходных частей. Близкий по крою, но подлинный синхронный экземпляр ноговиц известен в усуньском могильнике Субэйси у Турфана¹⁵². Эта находка помогает уточнить их облик. Ноговицы шились из шерстяной ткани, а центральный элемент у колена – из узких полосок меха; по верхнему краю имелись завязки из тесьмы.

2. **Высокие кожаные/меховые сапоги**. Встречены пока у мужчин и мальчиков (?). В кургане 2 в Башадаре и кургане 2 в Уландрыке I они меховые. Даже у знати они кроились экономно (в Башадаре голенища скроены из множества разнотипных кожаных квадратиков) (рис. 1, 35)¹⁵³. Уландрыкские сапоги имели по верхнему краю ремешок, стягивающий голенища¹⁵⁴. У края последних под коленом имеется треугольный выступ (рис. 1, 34). Обе эти особенности до сих пор характерны для обуви населения Саяно-Алтая. Последняя из них известна и у южных соседей пазырыкцев¹⁵⁵.

¹⁴³ Кубарев. Курганы Уландрыка... Рис. 36, 1. Известны в комплексах: Уландрык IV, курган I; Ташанта II, курган 4; Барбургазы I, курган 17.

¹⁴⁴ У индоиранцев Гиндукуша и Памира известны представления о богине-хозяйке горных козлов, помогающей женщинам при родах и т.п. См. Литвинский Б.А. Семантика древних верований и обрядов памирцев (I) // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981. Ср. в мифологии алтайцев с козлом связана богиня-хозяйка Земли-воды (Дьер-су).

¹⁴⁵ Кубарев. Курганы Уландрыка... С. 94.

¹⁴⁶ Кубарев. Курганы Юстыда... С. 114.

¹⁴⁷ Полосымак. Погребение знатной пазырыкской женщины... С. 9.

¹⁴⁸ Кубарев. Курганы Юстыда... С. 111–112.

¹⁴⁹ Ван Бинхуа. Субэйсийские находки... С. 16. Фото на с. 17.

¹⁵⁰ Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М., 1994. Ил. 6, 8. С. 17.

¹⁵¹ Акишев К.А. Древнее золото Казахстана. Алма-Ата, 1983. Рис. на с. 147.

¹⁵² Ван Бинхуа. Субэйсийские находки... Фото на с. 15.

¹⁵³ Руденко. Культура населения Центрального Алтая... Рис. 29.

¹⁵⁴ Кубарев. Курганы Уландрыка... С. 85. Рис. 30.

¹⁵⁵ Ахмад, Долкун. Уникальные находки... Позже, в VI–VII вв. н.э. эта центральноазиатская традиция кроя сапог распространялась на обширных территориях от Китая до Ирана тюрками.

3. Высокие войлочные сапоги. Известны пока только на южном плато Укок. Мужская пара из Верх-Кальджина II лишена декора в отличие от женских. У женщины из Ак-Алахи 3 они очень высоки (рис. 1, 38). Для наездницы в седле такая высокая обувь была необходима, так как носившаяся ею юбка при этом высоко задиралась. По краю сапожки украшались красной каймой из ряда трилистников; обувь, как и юбка, была в целом бело-красной.

В Ак-Алахе 1 погребенную сопровождали войлочные сапожки до колен¹⁵⁶. У мужчины они украшались полосками меха; от носка вокруг щиколоток и по верхнему краю сапожек небрежно пришита красная лента. Задник и подошва пришивались отдельно (рис. 1, 36).

4. Женские полусапожки. В кургане 2 Пазырыка у женщины было две пары такой обуви. Первая пара не отличалась особо роскошным декором; голенища шились рас-трубом. Зато вторая пара имела голенища из шкуры леопарда, а на подошвах – сложный растительный орнамент, вышитый бусами из золотистых кристаллов пирита, и изображения лебедей. В такой парадной обуви полагалось не ходить, а лишь сидеть по-турецки, демонстрируя богато расшитые подошвы (эта манера документируется у различных этносов, происходящих из восточной части Центральной Азии)¹⁵⁷.

Высокие сапоги центральноазиатских кочевников как раз в IV в. до н.э. заимствуются как наиболее удобные для китайской кавалерии чжаоосским Улин-ваном¹⁵⁸.

Ч у л к и в о й л о ч н ы е. Делались из белого или черного войлока и носились мужчинами и женщинами, по высоте соответствуя обуви (последнее отмечено и у протоюэчжей Черчена). Образцы хорошей сохранности происходят из кургана 2 Пазырыка. У мужчины они соответственно высокие и скроены из двух кусков со швом с тыльной стороны голенища и вдоль подошвы. По верхнему краю они украшены рядом стилизованных петушков (рис. 1, 37). Женщина надевала на каждую ногу одновременно по два носочка. Кроме отдельной подошвы, основная часть скроена из одного куска.

П о я с а. У пазырыкцев известны пояса нескольких типов¹⁵⁹. Они делались из узкого, часто простеганного ремня (Пазырык, курган 2; Ак-Алаха 1, курган 1) или плелись из шерстяной ткани (женщина из Ак-Алахи 3), из нескольких тонких кожаных полосок (Башадар, курган 2). Подчас (как в пазырыкском кургане 2) они повязывались на животе; вероятно, это был «узел Геракла» (прямой морской), который характерен для поясов иранских народов древности¹⁶⁰. Ременные пояса кургана 2 в Пазырыке украшены растительным и геометрическим орнаментом, один из них – рядом идущих петушков. При этом вставки маленьких фигурных пластинок золота и олова, видимо, имитировали реальную драгоценную полихромную (рис. 1, 30).

Женщина из Ак-Алахи 3 имела шерстяной пояс со множеством свисающих очень длинных шнурков с кисточками на концах (рис. 1, 29). Сходные шерстяные кушаки, но с короткими шнурками до недавних пор носили алтайские женщины.

Парадные мужские наборные пояса украшались парными крупными серебряными или золотыми (?) ажурными прямоугольными пластинами с сюжетными изобра-

¹⁵⁶ Глен на одной из ног девушки. Ср. *Полосьмак*. «Стережущие золото грифы»... Рис. 19, I. С. 40; The Altai Culture... Fig. 32.

¹⁵⁷ См. серебряные накладки на подошвы V–III вв. до н.э. из Сихунгоу во Внутренней Монголии (Неи Мэнью взъю каогу. 1992. № 6–7. Рис. 2, 2 на с. 93), сапожки с вышивкой на подошвах в хуннской Ноин-Уле, золотые подошвы «царицы» из могилы 3 юэчжийского Тилля-тепе, сидящий персонаж на жертвеннике из Иссыкского кладя у саков Семиречья.

¹⁵⁸ *Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов Н.Н., Чебоксаров Н.Н.* Китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983. С. 198.

¹⁵⁹ В.Н. Добжанский предлагает несколько искусственное деление пазырыкских поясов по декору их пластин: 1) с орнаментом; 2) с зооморфными изображениями; 3) смешанные. См. *Добжанский В.Н.* Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск, 1990. С. 22.

¹⁶⁰ *Горелик*. К этнической идентификации персонажей... С. 39. Похожие узкие пояса, но из ткани, с орнаментом, известным на ряде поясных накладок пазырыкцев, недавно носили женщины алтайцев-тубаларов. См. *Алтайский национальный костюм*. Горно-Алтайск, 1990. Табл. 39, 39а.

жениями. Эти пояса по каким-то причинам в могилу не помещались (возможно, они наследовались, что часто упоминается в степном эпосе), а их пластины заменялись хрупкими деревянными позолоченными копиями. На крупных пластинах изображались у знати сцены терзания (Пазырык, курган 2; Катанда) или парные хищники (Ак-Алаха 1), у рядовых лиц – копытные (Уландрык IV, курган 3).

В оформлении крупных пластин поясов заметны связи с восточными соседями. Так, в Юстыде XII (курган 17) отмечены экземпляры, имеющие аналогии в соседних Туве и Монголии¹⁶¹. Другой тип пластин, с имитацией рельефных круглых вставок самоцветов, имеет аналогии в металлических образцах из Монголии¹⁶². Не следует исключать и связи с бывшими южными соседями – большими юэчжами¹⁶³.

Кроме крупных пластин, пазырыкские наборные пояса включали четыре малых прямоугольных пластинки с прорезью для подвесного ремня, покрытых геометрическим орнаментом (рис. 1, 32). Подчас этот орнамент повторяется в наборах родственников из двух-трех разных курганов одного или соседних могильников. Орнаментированные пластины для подвесных ремней были привилегией мужчин. У знатных юных воительниц, как явствует из находки в кургане 1 Ак-Алахи¹⁶⁴, они гладкие и обернуты золотой фольгой.

В ряде случаев пояса мальчиков и девушек украшались 20–35 раковинами каури (Ак-Алаха 1, курган 1; Юстыд XII, курган 12). Этот парадный пояс сочетался с другим – портупейным у мальчика из Юстыда. Декор из каури известен и в соседних Туве и на Верхней Оби¹⁶⁵. Он до недавнего времени сохранялся на поясах шаманов Саяно-Алтая¹⁶⁶.

Особняком стоят пояса рядовых воинов из кургана 3 Уландрыка IV и 25 в Барбургазы I. В первом пластинчатая пряжка с изображением лося дополнялась поясным крючком в виде фигурки лебедя¹⁶⁷. С пояса свисали ажурные портупейные ремни в форме стилизованных ажурных рыб. Малые наборные пластины также присутствуют (рис. 1, 31).

Нагрудники. Они имеют специфическую для пазырыкцев удлиненную конфигурацию. Декор их включает вертикальную орнаментальную полосу в центре, пояски растительного орнамента (у женщин) и головки копытных.

В кургане 2 Пазырыка в женском захоронении нагрудник шит из шкурок соболя и белки, а по краю окаймлен мехом выдры. Он был пришит к кафтану¹⁶⁸. Основной декор образуют стилизованные фигурки петушков, внутри которых помещены изображения головок горного барана и лотосовидных побегов (орнамент делался не по трафарету). Наиболее близкие пазырыкским женские нагрудники известны у сарматов¹⁶⁹.

Детский нагрудник из кургана 7 Пазырыка отличается яркостью и богатством цве-

¹⁶¹ Кубарев. Курганы Юстыда... С. 86.

¹⁶² Он же. Курганы Уландрыка... С. 76–78. Ср. в Верх-Кальджине II ободок поясных пластин окрашен в черный, а внутренность – в красный цвет (The Altai Culture... № 75).

¹⁶³ Ср. в могиле из Пригородного района г. Бийска найдены бронзовые пряжки (Руденко. Культура населения Горного Алтая... Табл. LXXVIII, 2), имитирующие бирюзово-золотые изделия, со сценой терзания. Очень близкая аналогия им известна у князя из могилы 4 в Тилля-тепе (Sarianidi V. Bactrian Gold from the Excavations of the Tillya-tepe Necropolis... Pl. 122–123).

¹⁶⁴ Полосымак. «Стережущее золото грифы»... С. 38. Рис. 32, 2.

¹⁶⁵ Добжанский. Наборные пояса... Табл. VII (2, 7, 8), VIII (2); Семенов. Реконструкция скифского погребального костюма... С. 72. Ближайшие районы добычи каури находились на Южно-Китайском или Андаманском морях, откуда они поступали, видимо, через Китай. В последнем в эпохи Инь и Чжоу такие раковины (бэй), как и подражания из металла и камня, являлись денежным эквивалентом. См. Быков А.А. Монеты Китая. Л., 1969. С. 4–6. Табл. 1.

¹⁶⁶ Прокофьева. Шаманские костюмы... С. 90.

¹⁶⁷ Кубарев. Курганы Уландрыка... Табл. LXXVIII, 18–20.

¹⁶⁸ Руденко. Культура населения Горного Алтая... С. 115–117.

¹⁶⁹ У «ранних сарматов» IV–I вв. до н.э. сходное украшение, расшитое «серповидным узором» из золоченых бус, найдено в кургане XIII/10 в Старых Книшках. См. Садыкова М.Х. Сарматы на территории Башкирии. Дис... канд. ист. наук. М., 1965. С. 134.

товой гаммы (рис. 1, 27)¹⁷⁰. Кроме стилизованных растительных побегов, он украшен по краю рядом головок сайгаков.

Нагрудник из кургана 1 в Тузукте был покрыт бронзовой позолоченной (?) пластиной, на которой изображены геральдические ряды бегущих сайгаков¹⁷¹. Таким образом, речь идет о своеобразной пекторали, подобной широко известным мужским скифским пекторалам из Зивие и Толстой Могилы и кушанской – из Матхуры¹⁷².

Особое место занимает предполагаемый мужской (?) нагрудник из Катанды, завернутый грабителями в шубу-кандис¹⁷³. Он также меховой, покрыт шелком и по краю обшит золотой пластинкой. К нему с помощью ленточек из зеленого шелка и китайской тафты крепились семь фигурок лошадей в трех разных позах, с козлиными (?) рогами¹⁷⁴.

Г р и в н ы. Носились взрослыми обоих полов и детьми и делались из дерева с золотой фольгой. Возможно (как и в случае с поясными бляхами), это лишь заменители подлинных металлических образцов. У рядовых пазырыкцев преобладают наконечники гривен с изображением барсов (иногда крылатых: Уландрык I, курган 12; Уландрык II, курган 7) и волков¹⁷⁵. В Юстыде XII встречены также грифоны и сайгаки (курганы 19, 20), в Барбургазы I – бараны (курган 18). Такие украшения найдены в немногих из рядовых могил и, вероятно, связаны с особым статусом этих лиц.

Гривны знати часто изготавливались так же¹⁷⁶, но имели несколько иной репертуар образов. Так, на образце из кургана 2 Пазырыка представлено «шестивие» грифонов (ср. аланскую гривну I в. н.э. из Хохлача), а на гривне из Ак-Алахи 1 – три барса, грызущие голову оленя (ср. на скифской гривне из Толстой Могилы – «шестивие» барсов к протоме оленя). В целом в скифском мире на гривнах знати, видимо, преобладали кошачьи хищники (у европейских скифов – львы, у саков Семиречья – тигры) и грифоны.

О б р я д ы с о д е ж д о й. В пазырыкских могилах целый ряд изделий заменялся их копиями из дерева или уменьшенными моделями, особенно у детей (конская узда, иногда разные виды оружия, зеркала и др.). В костюме это касалось гривен и парадных наборных поясов (которые, видимо, наследовались).

В некоторых аристократических погребениях мы встречали отдельные аксессуары костюма у одного умершего в двух экземплярах (мужские рубахи, женские полу-сапожки, пояса и другие в кургане 2 Пазырыка; два головных убора – Барбургазы I, курган 25; две гривны – Юстыд XII, курган 25). Подобная традиция прослеживается и в погребениях знатных женщин у европейских кочевников (скифский Чертомлык, аланский Хохлач); она, видимо, была связана с выполнением этими лицами и после смерти различных ритуальных функций¹⁷⁷.

В кургане 3 Пазырыка мужской кафтан зачем-то поместили в конскую могилу. Прослежен у пазырыкцев и распространенный в древности обычай класть в символическое захоронение одетую куклу человека, чей труп по каким-то причинам не мог быть захоронен на родовом кладбище¹⁷⁸.

¹⁷⁰ Руденко. Культура населения Горного Алтая... Табл. XCVIII. 3.

¹⁷¹ Он же. Культура населения Центрального Алтая... С. 119. Рис. 70.

¹⁷² Rosenfield J.M. The Dinastic Art of the Kushans. Berkeley-Los Angeles, 1967. Pl. 5.

¹⁷³ В.Д. Кубарев теперь считает этот предмет диадемой (Курганы Сейлюгема... С. 102).

¹⁷⁴ Киселев. Древняя история Южной Сибири... С. 341.

¹⁷⁵ Существует специфическое сходство иконографии наконечников гривен Уландрыка с аналогичными образцами, изображающими тех же барсов и волков в Казинском кладе (Ставропольский край). Эти, как и многие другие аналоги, возможно, отражают какие-то миграции кочевников на запад в IV в. до н.э. См. Королькова (Чижина) Е.Ф. К вопросу об атрибуции Ставропольского (Казинского) клада // АСГЭ. 1995. 32. С. 84–87.

¹⁷⁶ В Ак-Алахе I у девушки отмечена двухсоставная гривна: лицевая часть – из дерева (изображения волков обернуты золотой фольгой), а задняя – из бронзы.

¹⁷⁷ Yatsenko S.A. Clothing of Iranian Tribes on the Pontic Steppes and in the Caucasus // Encyclopaedia Iranica. V. V. Fasc. 7. Costa Mesa (Cal.). 1992. P. 758.

¹⁷⁸ Кубарев. Курганы Юстыда... С. 41–42.

Различные манипуляции производились при помещении в могилу головных уборов. Так, иногда в южной части Горного Алтая женский убор помещали в сумочку (Уландрык II, курган 5), «чехол» – вообще вне гроба (Юстыд XII, курган 19; Ак-Алаха 3), а убор мужчины или мальчика – в миску (Барбургазы I, курган 25; Уландрык I, курган 6). Подшлемник клали под подушку (Верх-Кальджин II, курган 1).

Обрезание кос перед погребением у ряда женщин (Пазырык, курган 2; Юстыд XII, курган 16), как уже отмечалось, видимо, должно было демонстрировать их посмертную связь с мужем.

Выше упоминалось, что на умерших не было принято надевать плаща, набедренных повязки, а в восточной части Горного Алтая для предотвращения вредоносного воздействия покойного – штаны.

Декоративные принципы, цветовая гамма костюма. При изготовлении («сооружении») парадной одежды знати мастерицы часто стремились создать иллюзию сплошного золотого покрытия путем наклеивания большими площадями на кожаную основу фигурных листочков золотой фольги, обшивкой бусами из пирита. Реже (и часто – в сочетании с золотом) использовалось «серебряное» покрытие (оловянная фольга) и медное.

У мужчин-воинов известно покрытие типа «чешуи» (кандис из Катанды, головные уборы типа 2 и др.) (ср. кафтан из Иссыка в Семиречье). Подобный декор одежды знатных воинов документируется и в эпических сказаниях тюркских народов¹⁷⁹. Пока трудно уверенно связать этот орнамент с птичьим оперением, змеиной или рыбьей чешуей, так как чешуйки идут в направлении, противоположном природному – овальным выступом вверх. Однако если это предположение оправдывается, то легко объяснимо покрытие куртки иссыкского «золотого человека» бляшками, схематично изображающими птичьи перья. Так, до недавнего времени на шаманских костюмах Южной Сибири все мелкие подвески, бахрома и т.п. означали птичьи перья (в то время, как костюм в целом представлял птицу)¹⁸⁰.

Не меньше было, видимо, распространено сплошное покрытие отдельных кожаных предметов очень сложным орнаментом, образованным фигурными прорезями, надрезами и крашеными сухожильными нитями (см., например, мужской кафтан из кургана 2 в Башадаге¹⁸¹).

Цветовая гамма пазырыкского аристократического костюма была весьма разнообразной и яркой, в ряде случаев более всего напоминая костюм малых народов Приамурья¹⁸². Преобладали три цвета – красный, белый и синий, часто в сочетании (распространены также сочетания цветов: красный (синий) с желтым (коричневым)), реже использовались черный и зеленый цвета. Подчас на одном изделии небольшого размера сочетаются четыре-пять указанных цветов.

Преобладание трех первых цветов кажется явно не случайным. У ряда индоиранских народов они символизировали три яруса мироздания или основные прото-состояния¹⁸³. У горных таджиков одежда повседневной носки у обоих полов в обяза-

¹⁷⁹ Айдаркулов К. К вопросу об изображениях «звериного стиля» на одежде и украшениях в эпосе «Семетей» // ТД ВАК «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». Кемерово, 1979. С. 154.

¹⁸⁰ Прокофьева. Шаманские костюмы народов Сибири... С. 84, 87. Замечу, что в чжоусском Китае, оказавшем известное влияние на пазырыкцев, чешуя рыбы символизировала войско в доспехах. См. Го Юй Речи царств / Пер. и прим. В.С. Таскина. М., 1987. С. 330. Прим. 26.

¹⁸¹ Руденко. Культура населения Центрального Алтая... С. 208.

¹⁸² Аналогии описанным выше изделиям см., например: Краски земли Дерсу. Фоторассказ об искусстве малых народов Приамурья. Хабаровск, 1982. С. 85, 89, 91, 94, 101. Красочность ряда пазырыкских изделий пока не имеет соответствий среди других иранских этносов древности, у которых в костюме из погребений господствуют различные оттенки красного цвета.

¹⁸³ Ср. у индоарийских дардов Гиндукуша три мировых дерева указанных цветов (Йеттмар К. Религии Гиндукуша. М., 1986. С. 217). См. также Иванов Вяч.Вс. Цветовая символика в географических названиях в свете данных типологии (к названию Белоруссии) // Балто-славянские исследования. 1980. М., 1981. С. 166–167.

тельном порядке должна была включать те же три цвета¹⁸⁴. В контактной таджикско-узбекской зоне в ряде мест шаман должен был иметь в своем гардеробе три платья именно этих цветов¹⁸⁵. Не случайно те же три цвета господствовали в живописи некоторых кушанских центров¹⁸⁶. Красный, белый и синий цвета до сих пор присутствуют на характерных для населения Саяно-Алтая жертвенных лентах «ялама»¹⁸⁷, символизовавших, помимо прочего, жертвенную одежду¹⁸⁸.

О с н о в н ы е в ы в о д ы. Анализ пазырыкского костюмного комплекса, имеющего большое значение для истории иранских народов древности, показывает, что он обладает ярко выраженной этнической спецификой. Вместе с тем пазырыкцы на Алтае предстают как пришельцы, прародина которых не установлена. Большую роль в выяснении этого вопроса играет традиционный костюм, который ясно демонстрирует *наибольшую этническую близость пазырыкцев к юго-восточным и южным, иранским соседям* – лоуфаням Ордоса (этноопределение С.С. Миняева¹⁸⁹), а также протоусуням района Турфана и юэчжам Ганьсу и Черчена (последние переселились затем в Бактрию). В меньшей степени это касается саков Семиречья (которые, как и их тянь-шаньские соседи, судя по данным антропологии, имеют южносибирское происхождение)¹⁹⁰. Показательно, что специфические синьцзяно-пазырыкские соответствия документируются для Восточного Синьцзяна (Черчен, дельта Кумдары) еще в предскифское время. Не противоречит нашим выводам и тот факт, что пазырыкская элита в V–III вв. до н.э. в среднем имела гораздо более монголоидный облик, чем рядовые скотоводы.

Специфические аналогии пазырыкскому костюму у европейских скифов-скототов и их восточных соседей V–IV вв. до н.э. весьма любопытны, но немногочисленны и фрагментарны. Они относятся к деталям декора и сюжетам зооморфных изображений на парадных головных уборах и гривнах.

На отдаленный горный край *влияние костюма государственных образований Запада и Востока было довольно слабым* и заключалось прежде всего в использовании дорогих тканей. Однако при этом могущественную империю Ахеменидов отделяла от Алтая, возможно, лишь территория Семиречья, в то время как ослабленный и раздробленный Китай – 2,5 тыс. км малозаселенных пустынь и гор.

Выше говорилось об ахеменидских элементах в оформлении некоторых парадных кандисов и поясных пряжек знати. У китайцев ближайших царств (Цинь, Чжао, Вэй и др.), которые, возможно, именовали пазырыкцев народом Цяо¹⁹¹, последние заимствовали декор кожаных шлемов (головные уборы типа 2). Влияние восточных соседей (племен Тувы, хунну и др.) можно допустить лишь в редком использовании некоторых типов поясных пластин.

¹⁸⁴ Рассудова Р.Я. Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана // Сб. МАЭ. Вып. XXVI. Л., 1970. С. 19.

¹⁸⁵ Ср. Басилова В.Н. Ташмат-бола // Глазами этнографов. М., 1982. С. 173.

¹⁸⁶ Воробьева С.Н. Техника исполнения росписей Еркургана // Проблемы реставрации культурного наследия народов Средней Азии и технологии древних и средневековых ремесленных производств. Материалы и тез. конф. Самарканд, 1995. С. 47.

¹⁸⁷ Сагалаев А.М. Алтай в зеркале мифа. Новосибирск, 1992. С. 85.

¹⁸⁸ Дьяконова В.П. Некоторые этнокультурные параллели в шаманстве тюркоязычных народов Саяно-Алтая // Этнокультурные контакты народов Сибири. Л., 1984. С. 30–31.

¹⁸⁹ Миняев С.С. К хронологии и периодизации скифских памятников Ордоса // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Тез. докл. Всесоюзной науч. конф. Барнаул, 1991. С. 124.

¹⁹⁰ См. Тур С.С. Среднеазиатские саки и Центральная Азия (По материалам палеоантропологии) // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. Бишкек, 1995. С. 48–50.

¹⁹¹ В «Каталоге гор и морей», содержащем китайские географические сведения эпохи «Чжэньго», упоминается, что далеко к северу от Куньлуня живет народ Цяо, наносящий на тело татуировки в виде тигров (см. пазырыкские татуировки из кургана 2 в Пазырыке и кургана 1 в Ак-Алахе 3). См. Каталог гор и морей (Шань хай цзин) / Пер. и коммент. Э.М. Яншиной. М., 1977. С. 106. Этот удаленный народ приобрел в глазах китайцев в другой версии текста сказочные черты (руки вместо ног), подобно локализуемым якобы где-то поблизости одноглазым аримаспам Геродота (III.116; IV.13).

Контакты с предками самодийских и тунгусо-маньчжурских народов Сибири отражены в костюме аристократии в бытовании наплечной одежды типа катандинского «фрака» и, вероятно, в большом разнообразии цветов костюма в целом.

К о с т ю м ы ы с ш е й а р и с т о к р а т и и отличался наличием парадных шуб кандис, «фраков», нагрудниками, женскими головными уборами с плоским верхом (уборы типа 3 и типа 5), женскими полусапожками с богатой вышивкой, большим разнообразием цветовой гаммы, и вероятно, изготовлением ряда атрибутов (гривен, браслетов, поясных пластин) из литого золота. Знать низшего ранга (хорошо документированная в материалах Ак-Алахи 1 и 3) лишена всех этих черт¹⁹².

Несомненны также отличия знати и простого народа в репертуаре зооморфных образов на таких важных для древних иранцев атрибутах ранга, как гривны и пояса.

Локальные особенности пазырыкского костюма проявились прежде всего в декоре мужских поясов, головных уборов и женских накосников. Имеются и другие отличия. Так, только в западных могильниках ткани включали подчас верблюжью шерсть и волос, только здесь с умершим помещали штаны; лишь на плато Укок известны войлочные сапоги и т.п.

У этнографических алтайцев древние традиции скифской эпохи сохранились в первую очередь в крое обуви и в таких консервативных элементах, как декор шаманского костюма и отдельные типы женских причесок, поясов.

* * *

После завершения моей рукописи (23.04.1996) вышли в свет несколько работ, затрагивающих данную тему. Ряд интересных наблюдений и выводов содержится в диссертации Н.В. Полосьмак¹⁹³. Так, к «самодийскому» пласту в пазырыкском костюме отнесены приемы кроя всех меховых изделий, включая шубы-кандис и нагрудники; предполагается, что «иранские» элементы костюма передавались, в основном, по женской линии. К сожалению, оба вывода не подтверждаются собранными нами материалами. В рядовом кургане 3 могильника Верх-Кальджин II отмечен новый вариант мужской прически: рыжие волосы подстрижены кругом «под горшок»; на макушке оставлен неостриженный участок, из которого составлены две косы ниже плеч (каждая – из двух прядей). Китайской исследовательницей Ву Мин (г. Урумчи) опубликованы шерстяные набивные ткани из Синьцзяна (могильник Загунлук), орнамент которых имеет прямые параллели в зверином стиле пазырыкцев (полосы из повторяющихся элементов, изображающих подтреугольное ухо животного с изогнутым триквестром внутри и с отходящим спиральным завитком)¹⁹⁴. В статье, посвященной иконографическим китайским (позднечжоусским) заимствованиям в пазырыкской культуре, рассмотрена семантика китайских мифологических образов, встреченных на татуировках в Пазырыке (курган 2) и Ак-Алахе 3 (тигр с рогами оленя, барс со спирально закрученным хвостом, крылатый тигр), на пазырыкских поясах (парные фантастические рыбы) и облик «сфинкса» («аримаспа») на ковре из Пазырыка (курган 5)¹⁹⁵. В последнем случае заимствование полузооморфного образа китайского бога Луу, видимо, не отменяет наличие у него специфической местной прически. Там же рассмотрены основные формы вероятных контактов Китая и протопазырыкцев.

С.А. Яценко

¹⁹² Разделяя отчасти энтузиазм первооткрывательницы этих комплексов Н.В. Полосьмак, я не вижу пока никаких серьезных причин присоединиться к ее атрибуции весьма скромных могил как принадлежащих к местной высшей аристократии.

¹⁹³ Полосьмак Н.В. Пазырыкская культура: реконструкция мировоззрения и мифологических представлений: Автореф. дис... докт. ист. наук. Новосибирск, 1997. С. 10–19, 43, 46.

¹⁹⁴ Майтдинова Г.М. Раннесредневековые ткани Средней Азии. Душанбе, 1996. С. 5. Рис. 3–4.

¹⁹⁵ Яценко С.А. Загадочные монстры пазырыкцев и китайская мифология эпохи Чжоу // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 154–158.

S.A. Yatsenko

Due to permafrost discoveries, the costume of the Pazyryk culture is better known than that of the other ancient Iranic peoples. Its analysis against a large background of Iranic material provides unique possibilities for historical reconstruction (Pl. 1). Specific features of the Pazyryk costume are: a headgear topped by small statuettes of different animals, its ornament (stylized roosters, fantastic fishes, «snake scales», etc.); and an abundance of clothes sewn together with sinew threads. Pazyryk *kandis* were not buttoned (as was the case with other Iranians), but rather wrapped tight to the left side.

The article gives a detailed description and classification of all the elements of the Pazyryk traditional costume in the VI–III centuries B.C.; it also gives a characteristics of Pazyryk elements in modern costumes of Turk people in the Altai. The traditional costume is an ample proof of Pazyryk genetic relationship with their South-Eastern and Southern Iranian nomadic neighbours, such as the Loufangs of Ordos, the Hu-sungs of Turfan and the Yuezhi's of Kansu and Eastern Xinjiang (the latter later migrated to Bactria). To a lesser extent this also refers to the Sak people of Northern Tianshan (anthropological data speaks in favour of their Southern Siberia origins).

The influence that was exerted upon the Pazyryk costume by the Achaemenid Iran and certain western Chinese kingdoms was mainly limited to the acquisition of expensive tissues. The Achaemenids also partially provided the decoration of the *kandis* (two prolonged rectangulars on cuffs in mound 2 of Pazyryk and a particular headgear with a kind of a staple on the nape in Katanda). The decoration of men's headgear type 2 is borrowed from Chinese leather helmets of Zhou period, with a lacquer «scale» coating. Silk is also found in ordinary tombs (Ulandryk 1, mound 1).

Eastern neighbours (Sayan and Hsiung-nu tribes) also exerted their influence, which is traced in some extremely rare discoveries of particular beltplates. Contacts with Siberian natives are seen in the usage of «tail-coats» (Katanda) and, probably, in the variegated colours of the aristocratic costume (similar to that of the ethnic minorities on the river Amur).

The aristocratic costume's specific features were gala *kandis*, tail-coats, breastplates, a female headgear with a flat top (Pazyryk, mound 5; the goddess on the tapestry from the same mound), small female shoes with a rich embroidery, possibly also the use of cast gold to make some important elements (bracelets, beltplates): such things were taken by robbers, while some of them were inherited, with only their wooden models placed in the tombs. The more modest complexes of Ak-Alakha 1, 3 do not feature these elements.

© 1999 г.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ГОТОВ В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Причерноморский период готской истории в последнее время вновь привлекает к себе внимание ученых. Целью настоящей статьи является попытка еще раз рассмотреть вопрос о времени появления готов в Северном Причерноморье – Нижнем Подунавье, основываясь в первую очередь на данных письменной традиции.

Согласно Иордану, готский король Филимер из-за перенаселенности своей территории решил найти новые места для обитания¹. После некоторых странствий готы, возглавляемые своим королем, пришли в земли Скифии, «которые называются на их языке Ойум» (Get. 27)². В источнике приводится рассказ о том, как половина войска во главе с Филимером переправилась через реку, после чего рухнул мост, и «никому

¹ Iord. Get. 26 (...) consilio sedit, ut exinde cum familiis Gothorum promoueret exercitus. Текст и перевод «Гетики», кроме специально оговоренных случаев, приводится по изданию: Анфертьев А.Н. Иордан «Гетика» // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. М., 1991. С. 98–161. Некоторые изменения интерпункции и перевода принадлежат публикатору (устные сообщения).

² Iord. Get. 27: qui aptissimas sedes locaque, dum quereret congrua, peruenit ad Scythiae terras, quae lingua eorum Oium uocabantur (...).